



Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-1-2-129-170

УДК 37.01(092)+37.034

END SCXHNT

**НОВЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В.Г. ДРУЖИНИНА (ПО ЕГО ВОСПОМИНАНИЯМ)**

Виктор Владимирович Митрофанов

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС

г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: [http // orcid.org/0000-0003-2094-6883](http://orcid.org/0000-0003-2094-6883)

viktor-n1962@mail.ru

Аннотация: Воспоминания являются замечательным историческим источником. Поэтому публикация известной рукописи, вышедшей из-под пера В.Г. Дружинина, давно назрела. Написанная в трагические годы административной ссылки, она наполнена важными, порой неизвестными сведениями и фактами о его биографии и профессиональной деятельности. Кроме того, В.Г. Дружинин рисует не только взаимоотношения между известными и молодыми исследователями, показывает их характеры, дает оценки профессиональным качествам многочисленных коллег. Несмотря на то, что публикуемый фрагмент структурно не разделен по разделам, в нем органически выделяются несколько тем: участие молодых ученых, находившихся на этапе активной работы над магистерскими диссертациями, в работе Всероссийского Археологического съезда в Ярославле; прохождение военной службы самоопределяющимся, подготовка и провал экзамена на фейерверкерский чин; процедура защиты магистерской диссертации; служба в Археологической комиссии, функционирование Минцкабинета и деятельность Эрмитажа показана через лаконичные характеристики его директоров. Оценки и суждения о профессиональных качествах десятков упомянутых в воспоминаниях ученых, представлявших разные направления науки, будут ценным приобретением историографии. Сам В.Г. Дружинин предстает замечательным мемуаристом, создавшим широкое полотно о жизни науч-

ных учреждений (Археологическая комиссия, Эрмитаж), свидетелем которой он был, находясь в центре описываемых событий.

Ключевые слова: В.Г. Дружинин, административная ссылка, воспоминания, рукопись, Археологическая комиссия, фейерверкер, магистерский диспут, Эрмитаж, провинциальные краеведы

Цитирование: Митрофанов В.В. Новые факты биографии и научной деятельности В.Г. Дружинина (по его воспоминаниям) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2026. Т.18 № 1-2. С 129-170 END: SCXHNT

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-1-2-129-170

Original article

NEW FACTS FROM THE BIOGRAPHY AND SCIENTIFIC ACTIVITIES OF V.G. DRUZHININ (BASED ON HIS MEMORIES)

Viktor V. Mitrofanov

University at the Inter Parliamentary Assembly of the EurAsEC

Saint Petersburg, Russia

ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

viktor-n1962@mail.ru

Abstract: Memoirs are a remarkable historical source. Therefore, the publication of the well-known manuscript written by V.G. Druzhinin is long overdue. Written during the tragic years of his administrative exile, it is filled with important and sometimes unknown information and facts about his biography and professional activities. In addition, V.G. Druzhinin not only describes the relationships between renowned and young researchers, but also portrays their personalities and provides assessments of the professional qualities of numerous colleagues. Despite the fact that the published fragment is not structurally divided into sections, it organically highlights several topics: the participation of young scientists who were actively working on their master's theses in the All-Russian Archaeological Congress in Yaroslavl; the military service of self-determined individuals, the preparation and failure of the examination for the rank of firefighter; The procedure for defending a master's thesis; the service in the Archaeological Commission, the functioning of the Mintz Cabinet, and the activities of the Hermitage are presented through concise descriptions of its directors. The assessments and judgments about the professional qualities of the dozens of scientists mentioned in the memoirs, who represented various fields of science, will be a valuable addition to historiography. V.G. Druzhinin himself emerges as a remarkable memoirist who creat-

ed a comprehensive account of the life of scientific institutions (the Archaeological Commission and the Hermitage), which he witnessed from the center of the events he described.

Keywords: V.G. Druzhinin, administrative exile, memoirs, manuscript, Archaeological Commission, pyrotechnician, master's dissertation, Hermitage, provincial local historians

For citation: Mitrofanov V.V. New facts from the biography and scientific activities of V.G. Druzhinin (based on his memories). Historical and social-educational Idea. 2026. T.18. No 1-2. P.. 129-170 (In Russ.). END: SCXННТ
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-1-2-129-170

90-летию памяти В. Г. Дружинина

Введение. Замечательная плеяда выпускников Санкт-Петербургского университета.

Воспоминания давно привлекают внимание исследователей [1]. Их справедливо называют феноменом культуры и историческим источником [2]. Изданный указатель позволяет говорить о количестве этих, порой уникальных, материалов, хранящихся в разных архивах [3].

Мы обращаемся к уже известной, но до сих пор не опубликованной рукописи воспоминаний яркого представителя петербургской исторической школы, оказавшим значительное влияние на развитие отечественной историографии в конце XIX – первой трети XX в. Это Василий Григорьевич Дружинин – выдающийся археограф, исследователь древних документов, активный член ряда авторитетных научных обществ России (Русского Археологического общества, Археологической и Археографической комиссий и др.). Его биография, творчество, собирательская деятельность продолжает оставаться в центре исследовательского поля [4].

В начале 1880-х годов историко-филологический факультет императорского Санкт-Петербургского университета окончила целая плеяда замечательных выпускников (А. С. Лаппо-Данилевский, М.А. Дьяконов, С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин, Н.Д. Чечулин, А.А. Спицын, Е.Ф. Шмурло, И.М. Гревс, С.М. Середонин, Н.М. Бубнов и др.) Почти все они, как и некоторые их друзья, составили в 1884 г. «кружок русских историков» - известно сообщество молодых, амбициозных, талантливых ученых, постепенно занимавших кафедры в провинциальных университетах (Дерптском, Киевском), порой соперничавших между собой, претендуя на вакантные должности в учебных заведениях Петербурга

(Александровском лицее, Высших Женских (Бестужевских) Курсах) и даже в их Alma mater.

Следует упомянуть ещё одно более узкое сообщество, состоявшее из 5 самых близких друзей, знакомство которых произошло также в университетские годы, это А.А. Спицын, С.Ф. Платонов, К.А. Иванов, И.А. Шляпкин и В.Г. Дружинин (трое последних учились в одной гимназии и знакомы были с тех лет). По этому поводу В.Г. Дружинин вспоминал в 1933 г.: «В числе моих посетителей были И.А. Шляпкин, К.А. Иванов, С.Ф. Платонов, А.А. Спицын. Они приходили ко мне, и я исправлял обязанность хозяйки – сидя за самоваром, заваривал чай и угощал закуской.... Мы беседовали о наших работах, научных и университетских делах, собирались мы в 8 часов вечера, а расходились в 11 часов вечера» [5, д. 7, л. 113 об.-114].

Немало сведений об этой пятерке, как и других коллегах, с которыми приходилось взаимодействовать на протяжении десятков лет, находим в публикуемой взаимной переписке В.Г. Дружинина и С.Ф. Платонова [6; 7; 8], приуроченной, как и настоящая публикация, в 90-летию памяти замечательного отечественного историка.

Воспоминания – новое направление творчества В.Г. Дружинина

Ряд из упомянутых выше ученых оставили свои воспоминания, например, С.Ф. Платонов [9], Е.Ф. Шмурло [10], И.М. Гревс [11]. Их имена, как и десятки других их сверстников и представителей старшего и младшего поколений исследователей, нашли своё место в замечательном по насыщенности информацией, малоизвестным фактам дневнике Н.Н. Платоновой, недавно увидевшем в свет [12].

О значении воспоминаний говорил Н.Д. Чечулин – один из друзей В.Г. Дружинина – в своей лекции в Петербургском университете, называя мемуары «драгоценнейшим материалом для изучения умственного и нравственного строя людей известного времени и общества, которые дают «возможность понять отношение их к событиям их древности» [13].

В приложении помещен очередной фрагмент [14;15] воспоминаний В.Г. Дружинина. Их появление относится к последним трагическим годам его жизни. Благополучный период работы и творческой деятельности у В.Г. Дружинина закончился в 1929 г., хотя уже с 1921 г. он испытывал материальные трудности и вынужден был продать свою библиотеку и частично богатое рукописное собрание. Это было время сфабрикованного уголовно-политического дела, вошедшего в историографию как «Академическое дело», «дело академиков», «дело Платонова» [16]. По сведениям П.А. Трибунского, В.Г. Дружинина «...5 июня 1930 г. – арестовали. Постановлением «тройки» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе от 10 февраля 1931 г. Дружинин был приговорен к заключению в концлагерь сро-

ком на пять лет. С 9 марта отбывал наказание в Соловецком лагере принудительных работ особого назначения» [17, с. 120]. А с 23 мая 1932 г. - в административной ссылке и проживал в Ростове, где и написал объемную рукопись, по предложению В.Д. Бонч-Бруевича.

Побудительным мотивом для Дружинина взяться за новый жанр творчества – воспоминания - была жизненная ситуация, в которой он оказался, когда «в тяжелых условиях нищего ссыльного, вынужденного в буквальном смысле этого слова вести борьбу за выживание» [18] и начал работать над ними. Из необходимой меры обратиться к воспоминаниям этот процесс превратился в творческую отдушину и настолько захватил автора, что он всецело отдавался на протяжении почти 3-х лет их писанию, которое продвигалось быстрыми темпами. Он проживал в этот период свою сознательную жизнь, вновь встречался с десятками людей, с которыми вместе работал, разделял свои и их радости, и успехи. Происходило осмысление своих поступков, давались с высоты прожитых лет оценки соратникам и недоброжелателям, которые попадались на жизненном и профессиональном пути. Поэтому текст рукописи «Воспоминаний» получился объемным [5]. П.Г. Гайдуков пишет о 1850 страницах на «разрозненных листах формата школьной тетради», время же создания относит к 1933–1934 гг. [18, с. 137] П.А. Трибунский говорит о 1851 странице [17, с. 122] и датирует процесс написания - дата высылки первой части в 50 страниц 19 июля 1933 г., а время окончания - май 1935 г., что и является наиболее верным. Но один очерк «А. В. Дружинин и его дневник (1824-1864): По семейным воспоминаниям» датирован 29 мая 1933 г. [5, д. 3, л. 1-11 об.] Следовательно, он является первым и этот факт позволяет уточнить время начала работы над воспоминаниями.

Н.Б. Алдонова, ссылаясь на архив (РГАЛИ, д. 7–10), указывает на 4 школьные тетради в линейку с 939 листами (соответственно 255, 253, 254, 177), исписанными с обеих сторон [19, с. 55]. Но она не включает сюда первые очерки, хранящиеся в других делах [5, д. 3; 6]. Разночтения в объеме появились из-за ссылок на разную нумерацию листов. Н.Б. Алдонова ссылается на архивную, что в данном случае и правильно, а П.А. Трибунский и П.Г. Гайдуков – на нумерацию каждой страницы, расставленную В.Г. Дружининым.

Следует заметить, что как такового плана, выстроенной структуры воспоминаний нет. Если первые десятки страниц были посвящены отдельным лицам и очерки имели названия по фамилиям или тематические, например, «Букинисты с 1874 по 1915 г.» или «Современный моему студенчеству университет: 1879-1883 г.». Последний очерк без всякого перехода продолжается и захватывает и другие темы, выходящие хронологически за его рамки и превращается в единое полотно повествования. В тексте можно четко выделить целые тематические фрагменты, посвященные конкретным лицам, о других же автор пишет в отступлениях (порой значительного объема) как бы попутно, по ходу изложения. И все эти сведения органически вписываются в общий текст рукописи. Такой

прием позволил В.Г. Дружинину рассказать о многих ученых, с кем ему пришлось соприкасаться постоянно или эпизодически.

Все исследователи обращают внимание на повторы и неточности в воспоминаниях, но по-разному объясняют их появление. Так, П.А. Трибунский полагает, что «учитывая, что многие из персонажей очерков принимали участие в деятельности институций, о которых писал Дружинин, появление повторяющихся сюжетов вполне ожидаемо. Отметим, что повторы немногочисленны... и, одни и те же сюжеты в разных очерках содержат неодинаковый набор фактов» [17, с.121].

И. Л. Тихонов неточности объясняет «отсутствием справочной литературы, слабеющей памятью 74-летнего ученого, пережившего страшные лишения...» [21, с. 424]. Если первый аргумент имел место быть, то со вторым согласиться нельзя. Об этом убедительно свидетельствует названный очерк о букинистах, где автор перечисляет фамилии 21 книготорговца Петербурга, 3-х московских и одного провинциального. При этом у большинства указаны инициалы, даны характерные черты их внешнего вида и одежды, названы адреса магазинов и лавок, их интерьер и другие подробности. Да и в публикуемом фрагменте память мало изменяла В.Г. Дружинину. А отдельные эпизоды (например, биография академика Куника) дают основания полагать, что автор пользовался кое-какой литературой и справочными пособиями, возможно журнальными статьями.

Но, кроме повторов фамилий, встречаются, например, одинаковые описания внешности упоминаемых лиц, даже на соседних страницах. По всей видимости, автор не перечитывал готовый текст, а мысли излагал сходу, быстро и не возвращаясь к написанному. Нужно было торопиться, от объема зависела и сумма гонорара. На это указывает и крупный размашистый почерк. Так как листы использовались с обеих сторон (бумага высыпалась заказчиком и её нужно было расходовать экономно), то на многих листах встречаем смазанные слова (вроде кляксы), особенно в нижней части страниц. Это возникало от того, что листы складывались друг на друга с еще не просохшими чернилами. В рукописи имеются зачеркивания, переносы слов с помощью значка переноса, в предложениях с целью создания грамматически правильного их построения. Встречаются и отдельные неточности в датах, что естественно, о некоторых событиях и людях автор пишет «не помню» или «мне неизвестно». В основном такие оговорки делаются в отношении ученых, которые находились за границей. Но ценность воспоминаний, как исторического источника, от таких погрешностей не снижается. В.Г. Дружинин своей рукописью, законченной за несколько месяцев до ухода из жизни, сделал последний свой важный вклад в написание истории развития исторической науки за последние 40 лет своей жизни.

Основные темы публикуемого фрагмента воспоминаний

В очередном фрагменте воспоминаний тематически выделяется несколько тем:

1. Всероссийский Археологический съезд, проходивший в Ярославле в 1887 г. (хотя, автор трижды указывает на 1886 г.) и знакомство друзей (В.Г. Дружинин, С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин, Н.Д. Чечулин, С.М. Середонин, А.А. Спицын) с его участниками. Особенно много места уделено Д.И. Багалею и А.И. Маркевичу. Интересные подробности организационных сборов для поездки в Ярославль находим на страницах писем В.Г. Дружинина и С.Ф. Платонова, относящихся к летним месяцам 1887 г. [20]

2. Неизвестная страница биографии В.Г. Дружинина – его военная служба вольноопределяющимся и не удавшийся экзамен на фейерверкерский чин;

3. Лаконично говорится о защите магистерской диссертации и перспективе приват-доцентуры в университете. О такой карьере В.Г. Дружинин не думал. Кстати, ранний уход С.Ф. Платонова с вечеринки, о которой упомянуто в воспоминаниях, теперь можно объяснить. Он был не удовлетворен своим оппонированием [6; 22].

4. Служба в Археологической комиссии и взаимоотношения между её членами. Новшества, привнесенные В.Г. Дружининым в работу Комиссии, например, фотографирование предметов, в неё поступавших.

5. Работа Минц-кабинета и характеристика директоров Эрмитажа.

Заключение

В. Г. Дружининым даны лаконичные оценки целому ряду изданий, характеристики руководителей научных обществ (П. С. Уваровой, А.А. Бобринскому), и их межличностным отношениям.

Рукопись создавалась в исключительно трудных условиях, поэтому искать неточности и ошибки, тем более заострять на них внимание, будет безнравственным делом. Постраничные сноски позволяют в ряде случаев их увидеть, исправить и дополнить информацию.

Публикация в полном объеме очерков из «Воспоминаний» В.Г. Дружинина – дань памяти выдающемуся историку. Это позволит активно ссылаться на них, что создаст возможность провести рефлексию с уже известными фактами из жизни и деятельности героев очерков. Можно будет провести и сравнительный анализ с другими подобными произведениями.

В. Г. Дружинину удалось воссоздать панораму научной жизни, прежде всего, столичных учреждений (Археологическая комиссия, Эрмитаж, Минц-кабинета). Показать атмосферу, царившую в них, и наполнить её отношениями, возникавшими между сотрудниками.

В. Г. Дружинин

«Воспоминания о литературных встречах и знакомствах»

(фрагмент)

В 1886 г. был в Ярославле VII археологический съезд¹, и мы, молодые историки - Платонов, Спицын, Середонин, Чечулин и я, отправились, как говорится, «людей посмотреть и себя показать». В Ярославле отвели нам класс в местной гимназии, т[ак] к[ак] в это время были каникулы, и в классе мы впятером поселились. Гимназия была расположена на площади рядом с Демидовским лицеем², против памятника Демидову. В лицее проходили заседания съезда. Самого съезда я описывать не буду, как и перечислять его членов, т[ак] к[ак] эти сведения имеются в Известиях съезда и его протоколах³, напечатанных в его трудах; опишу лишь людей, с которыми пришлось познакомиться. Мы представились председателю съезда – графине П.С. Уваровой⁴. Это была уже пожилая дама высокого роста, худощавая; она была председателем Московского Археологического общества. При ней были две её дочери⁵ - барышни, приходившие уже в ветхость и не красивые. При ней же были два секретаря - В.К. Трутовский⁶ - секретарь Московского Археологического общества, нумизмат по специальности и Ф.А. Бычков⁷ - чиновник особых поручений при Ярославском губернаторе, занимавшийся генеалогией. Графиня распоряжалась всем единолично, т[ак] к[ак] была очень властолюбива и все ей беспрекословно повиновались. Секретарями она распоряжалась как подручными. Она, дочери её и секретари устраивали выставку при съезде. Значение графини было в том, что она была очень богата и жила отчасти под ореолом покойного тогда мужа – графа А.С. Уварова – известного археолога, обладала имением Поречье, где был музей и замечательное собрание рукописей, впоследствии описанное в четырёх томах ар-

¹ VII Археологический съезд прошёл в Ярославле 6–20 августа 1887 г.

² Демидовский юридический Лицей был образован из Демидовского лицея 15 июля 1868 г.

³ Протоколы съезда, а также часть сделанных на нём докладов, были опубликованы в трёхтомнике трудов (М., 1890–1892).

⁴ Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) – графиня, русский учёный, историк и археолог, председатель Московского археологического общества.

⁵ Прасковья Алексеевна (1860–1934); Екатерина Алексеевна (1864–1953)

⁶ Трутовский Владимир Константинович (1862–1932) – русский и советский востоковед, историк, музейный работник и нумизмат.

⁷ Бычков Фёдор Афанасьевич (1861–1909) – русский историк-краевед, генеалог, археограф, коллекционер, в декабре 1885 г. был назначен чиновником для особых поручений при Ярославском губернаторе.

хим[андритом] Леонидом (Кавелиным)¹. Кстати сказать, очень плохо. Графиня имела большие связи и потому вела самостоятельную линию в Москве и Московском Археологическом обществе. При производстве раскопок она не считалась с Археологической комиссией, во главе которой стоял ничтожный граф А.А. Бобринский², археолог-любитель, сильный лишь близостью к графу Воронцову-Дашкову³, тогдашнему министру двора. Графиня, которая в сущности презирала гр[афа] Бобринского, была с ним в обострённых отношениях.

Мы посещали заседания секций съезда и знакомились с членами съезда, каковыми были и сами. Члены съезда очень резко делились на людей старшего и младшего поколений. Старшие были сановники и профессора, а младшие – наша братия, молодые ученые. Здесь опишу я только тех членов съезда, с которыми пришлось познакомиться.

Мы познакомились здесь с Д.И. Багалеем⁴, профессором Харьковского университета. Он родился в Киеве в 1857 г., где отец его был шорником. Он учился сначала на Историко-филологическом факультете Киевского университета, где получил золотую медаль за работу на заданную факультетом тему, а затем перешел в Харьковский университет и там тоже получил золотую медаль за сочинение «История Северной земли». В 1883 г. получил за неё степень магистра. Пр[офессор] И.А. Линниченко⁵ изобличил эту работу в плагиате⁶. В 1887 г. Багалея получил степень доктора русской истории за прекрасную работу «Очерки быта и колонизация степной окраины Московского государства», напечатанную в Чтениях Московск[ого] Общества Истории и Древностей Российских. Другие работы перечислены в словаре Венгерова. Очень талантливый оратор, прекрасно владевший мягким, вкрадчивым голосом, читавший рефераты, он, видимо, старался заштопать наложенное на него клеймо плагиатора, не опу-

¹ Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин) (1822–1891) – архимандрит Русской православной церкви, русский богослов, историк, археограф, библиограф, переводчик.

² Бобринский Алексей Александрович (1852 – 1927) – граф, русский археолог, политический и государственный деятель. Праправнук императрицы Екатерины II и её фаворита Г. Г. Орлова.

³ Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) – граф, российский государственный и военный деятель, предприниматель. С августа 1881 г. — министр Императорского двора и канцлер Капитула российских императорских и царских орденов.

⁴ Багалея Дмитрий Иванович (1857 – 1932) – историк, краевед, общественный и политический деятель, организатор науки.

⁵ Линниченко Иван Андреевич (1857– 1926) – русский историк, славист, археограф, педагог.

⁶ И. А. Линниченко критиковал работу Д. И. Багалеея – монографию «Колонизация Новороссийского края и первые шаги по пути культуры. Исторический этюд». Учёный увидел в книге незакавыченные заимствования из трудов других авторов.

кая случая подхалимничать перед сильными мира сего, присутствовавшими на съезде; с нами он держал себя очень ласково. Впоследствии он был профессором Харьковского университета, а затем академиком Украинской Академии Наук. Он был небольшого роста с мягкими вкрадчивыми манерами, с круглым лицом, носил круглую бороду. Знакомство с ним не продолжалось, т[ак] к[ак] он редко приезжал в С.-П[етер]б[ург], а если и приезжал, то не бывал у меня и моих приятелей. Видимо, мы были разного направления и в нас не было ему необходимости заискивания. Он умер в 30-гг. XX-го столетия¹.

С пр[офессором] русской истории Новороссийского университета² А.И. Маркевичем³ мы познакомились при следующих обстоятельствах. Составлена была экскурсия для обозрения церквей и древностей г. Ростова; близ него предположено было произвести раскопки. Обозревая музей, мы поднялись на вышку – площадку, с которой открывался чудный вид на озеро Неро. Сидим и любуемся. Вдруг слышим снизу голос: «Если кто есть на вышке – сходите. Я иду. Со мной будет небезопасно оставаться: вышка может провалиться». Сначала такой возглас нас поразил, и мы приписали его большому нахалу. В это время через отверстие, из которого вела на вышку лестница, показалась сначала большая голова, потом очень плотное туловище и, наконец, предстал перед нами весь возглашавший предупреждение человек с крупным некрасивым лицом, с круглой неровно обстриженной бородой, маленьким острым носом на широком лице с косившими глазами, вставными зубами, говоривший с украинским акцентом, несколько глуховатый. Это был пр[офессор] А.И. Маркевич. Он тотчас же с нами перезнакомился, примкнул к нашей компании, и мы проводили всё время вместе. Он постоянно был с нами и в свободное время играл у нас в класс в винт с Чечулиным, Середониным и ещё кем-либо из членов съезда. Он оказался весьма остроумным, веселым и смешливым человеком. Чечулин не мог с ним встретиться, чтобы оба не хохотали до упада. Он был значительно нас старше – родился в 1847 г., окончил курс лицея Безбородко в Нежине⁴ и Историко-филологический факультет Новороссийского университета. В 1879 г. он напечатал диссертацию «О местничестве»⁵, за которую получил степень магистра, а в

¹ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): Т. 1-6 / С.А. Венгеров. СПб.: Семен. типо-лит. (И. Ефрона), 1889-1904. 6 т

² Речь об Одесском университете.

³ Маркевич Алексей Иванович (1847–1903) – российский историк, преподаватель Новороссийского университета.

⁴ Нежинский лицей князя А. А. Безбородко – высшее учебное заведение в городе Нежине, открытое в память канцлера Российской империи светлейшего князя А. А. Безбородко. Существовал под разными названиями в 1820–1875 гг.

⁵ Маркевич А. И. О местничестве. Ч. 1. Русская историография в отношении к местничеству. Киев: тип. М. П. Фрица. 1879. 968 с.

1888 г. - докторскую диссертацию «О местничестве в Московском государстве в XV–XVII в.»¹, а в 1899 г. - «Историческую записку о 25-летию Новороссийского университета». Остальные труды его известны. Он писал и печатал довольно много ценных работ и материалов. Назову лишь его работу «о русских летописях» два выпуска² и биографию Котошихина³. В это время он был профессором университета и преподавателем Одесской женской гимназии, и все барышни одесситки были его ученицами и в нём души не чаяли. Встречаясь с ними, я всегда выслушивал восторженные отзывы об А.И. Маркевиче, он был очень прост в обращении, прямой, добрый и искренний человек. В то же время он состоял Секретарём Одесского Биржевого Комитета. Он был женат, но детей не имел. Страстный библиофил, он собрал себе ценную библиотеку, которой давал пользоваться своим студентам. Он по несколько раз в зиму приезжал в Петербург по делам Биржевого Комитета и всегда бывал у меня. Эта дружба с ним осталась у нас до самой его кончины. В С.-П[етер]бург приезжал он на разные правительственные Комиссии, будучи командирован Биржевым Комитетом.

Помню, как он рассказывал о тарифных заседаниях, в которых принимал участие, в которых обсуждался заданный Министром финансов вопрос, кому облегчить тарифы - центру или окраинам для экспорта зерна. Заседания были многолюдны. Споры были большие и страстные. Наконец, по выяснении вопроса председатель, если не ошибаюсь В.В. Максимов⁴, сделал сводку мнений членов Комиссии и сказал, что они сводятся к тому, чтобы облегчить вывоз зерна на окраины в порты для экспорта. При этом он заявил, что ему приятно отметить, что такого же взгляда держится Министр финансов, но что он намеренно не оглашал его мнения, чтобы не производить давления на Комиссию. Тогда встал представитель центра князь Щербатов⁵ и громко, во всеуслышание заявил, что есть ещё инстанция, к которой можно прибегнуть, разумея личное обращение к государю. «Мы еще поборемся; здесь ещё решение не окончательное!».

В заседании присутствовал Бугров⁶, имевший близ Нижнего Новгорода свои паровые мельницы и ведший крупную торговлю мукой, один из крупней-

¹ Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса: тип. «Одес. вестн.», 1888. 611 с.

² Маркевич А. И. О летописях: О русских летописях: Из лекций по рус. Историографии. Вып. 1–2. Одесса: тип. П.А. Зеленого, 1883–1885.

³ Маркевич А. И. Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века: история одного предательства и создании выдающейся книги о России. Изд. 2-е. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2015. 181 с.

⁴ Далее зачеркнуто: резюмировал.

⁵ Щербатов Николай Борисович (1868–1943) — князь, русский государственный деятель, министр внутренних дел (июнь–сентябрь 1915),.

⁶ Бугров Николай Александрович (1837 (1839) – 1911) – нижегородский купец, хлебопромышленник, домовладелец и благотворитель, а также депутат городской думы.

ших коммерсантов. Он был одет по-купчески: в двубортной куртке, сапоги носил бутылками. Это был миллионер. Он встал с места, когда стали расходиться, и, потирая руки, проговорил на заявление князя Щербатова: «А мы прибегнем к старому и давно испытанному средству!». Когда решение Комиссии облеклось в Высочайшее повеление, то льготные тарифы были утверждены для окраин в ущерб центра, а Бугров получил льготный специальный тариф!

В конце жизни с А.И. Маркевичем случилась весьма неприятная история, от которой он очень пострадал. Как страстный библиофил, он выписывал для себя через университет запрещенные к обращению в России заграничные издания. На это он имел право. Но, выезжая каждый год за границу, он хотел ещё провозить с собою купленные там книги и брошюры. И вот, возвращаясь однажды в Россию, он нагрузил себя и жену свою такими изданиями. Переходя через таможню, эти издания, неудачно положенные, стали падать на пол, а сзади шел сыщик и подбирал их. А.И. Маркевича и жену его пригласили в таможню и отобрали все бывшие на них издания, но как профессора его не арестовали, а книги препроводили по принадлежности в Одессу. Приехал А.И. Маркевич домой, и местное охранное Отделение предупредило его о грозящем ему обыске. Он на это не обратил внимания, говоря, что книги он получал из-за границы как профессор через университет. Но обыск у него всё же был и у него нашли и тетрадь, в которой он записывал выдаваемые книги и кому их выдавал. Оказывается, что запрещенные книги выдавал он и студентам и записывал их имена в тетрадь, а перед обыском не догадался уничтожить тетрадь! Тетрадь была взята, приобщена к делу и препровождена начальству в С.-П[етер]бург.

Последовал указ об увольнении А.И. Маркевича от педагогической деятельности. Ему было поставлено в вину, что он распространяет среди студентов запрещенные издания. А.И. Маркевич полетел к Министру народного просвещения Делянову, но это не привело ни к чему. А.И. Маркевичу была запрещена педагогическая деятельность; он лишился гимназии и университета и остался только секретарём биржевого комитета. Это страшно подействовало на А.И. Маркевича и он недолго после этого прожил.

В Ростове нам показывали храмы, прекрасный местный музей, воспроизводили знаменитый Ростовский звон колоколов, производили раскопку курганов. Во время раскопки произошёл забавный эпизод, характеризующий самовластие графини Уваровой. На каждое ученое заседание назначались по очереди учреждений один из делегатов Председателем. Предстояла очередь С.-П[етер]бургского Археологического института, от которого были два делегата - А.Ф. Селиванов¹ и граф Ланской², не имевшие ученого звания и люди срав-

¹ Селиванов Александр Фёдорович (1856–1919) – русский архивист, краевед, археограф.

² Ланской Николай Степанович – граф. От Археологического института делегатами были ещё А. Н. Труворов, И. И. Васильев, А. А. Благовещенский, А. Л. Смирнов

нительно молодые. Секретарь съезда просил графиню назначить Председателя из делегатов института. Осведомившись о том, кто делегаты института, графиня заметила: «Я никогда не слыхала, чтобы на ученых заседаниях председательствовали дети» и не назначила ни одного из них.

Город Ростов угощал нас обедом в доме местного археолога А.А. Титова¹. Вечером мы вернулись в Ярославль. При поездке в Ростов с пр[офессором] О.Ф. Миллером² случился забавный инцидент. Мы ехали вместе в вагоне. Против Миллера сидел пожилой человек в штатском платье, а около Миллера сидели университетские его ученики. Не помню по какому поводу Миллер раздражился потоком либеральных речей и вошел в пафос. Сидевший против него вышеуказанный человек впился в него благоговейно глазами и с большим вниманием слушал красивую речь профессора, что впервые с ним в жизни случилось. Потом нам сказали, что это был местный исправник, в которого Миллер направил в упор свою либеральную речь. Последствий, впрочем, для Миллера это не имело.

Депутатом от Варшавского университета был профессор латинской словесности Г.Э. Зенгер³ – впоследствии Министр народного просвещения после П.С. Ванновского⁴. Я знал его еще студентом, т[ак] к[ак] он был знаком с моими старшими братьями, был принят у моих родителей и танцевал у нас на вечерах. Он был замечательный латинец и очень живой человек. Над ним смеялись, что он даже «Чижика» перевёл на латинский язык. На съезде он не играл никакой роли. Он обладал изящной наружностью и прекрасными манерами и приходил к нам в номер играть в винт с Середониным и Чечулиным. Здесь мы встретились как старые знакомые. Когда назначен был Министром Нар[одного] просвещения П.С. Ванновский, то ему понадобился товарищ министра и он вспомнил о Зенгере, сыне его однополчанина и назначил «Гришу», как его звал Ванновский, на пост товарища Министра. После смерти Ванновского Зенгер был назначен Министром, но никогда не занимавшийся административными делами он был Министром недолго и ничем себя не проявил. По выходе в отставку он был назначен сенатором, где получал хороший оклад жалования, очень тяготился своей должностью, далеко отставшей от его специальности и, наконец, сложил с себя

(Известия о занятиях седьмого археологического съезда в Ярославле 6 – 20 августа 1887 года. Ярославль, 1887. С. 6).

¹ Титов Андрей Александрович (1844 – 1911) – верхневолжский археолог, этнограф, палеограф, предприниматель, крупнейший специалист по древностям Ростова и округа, основатель Ростовского исторического музея.

² Миллер Орест Фёдорович (1833 – 1889) – русский учёный, профессор истории русской литературы.

³ Зенгер Григорий Эдуардович (1853–1919) – филолог-классик, профессор латинской словесности. С апреля 1903 г. по январь 1904 министр народного просвещения.

⁴ Ванновский Пётр Семёнович (1822 – 1904) – русский военный и государственный деятель, министр народного просвещения (1901–1902).

звание сенатора, что было совершенно необычно в то время, т[ак] к[ак] сенаторы оставались обыкновенно пожизненно и удалялись только за провинности. Это был замечательный с его стороны поступок, показывающий редкое бескорыстие и благородство. Впоследствии Г.Э. Зенгер поступил библиотекарем в Публичную библиотеку и во время голодных годов очень нуждался, отапливал квартиру, сжигая мебель.

Известно было, что в семье его было шесть человек, родившихся в течение трех лет по двойням. Умер он в большой нужде. Мне пришлось с ним встретиться при проведении в 1903 г. «Положения» в Археографической Комиссии, т[ак] к[ак] в это время он был Министром Народного Просвещения (об этом ниже). Из С.-Петербур[ургских] архитекторов были на съезде В.В. Суслов¹ и Н.В. Султанов. Первый из них (о нем еще будет речь впереди) читал реферат о деревянных церквях Донской области, построенных в XVII в., но тут он допустил ряд хронологических неточностей, т[ак] к[ак] не имел документов об основании этих церквей, и мне пришлось возражать ему, т[ак] к[ак] я имел сведения об основании церквей из книг Патриаршего Казенного приказа. С этого времени началось моё знакомство с В.В. Сусловым. Он был очень небольшого роста с каким-то перекосившимся лицом. Он имел печатные работы по старинной русской архитектуре, о деревянных постройках, но был бесталанный человек, но был очень начитан; впоследствии я с ним встретился, будучи секретарём Русского Археологического общества и членом Археологической Комиссии, о чем будет ниже сказано.

В. В. Султанов тоже известный архитектор-археолог, подлаживался к графу С.Д. Шереметеву², который приблизил его к себе. Он постоянно посещал заседания Общества Любителей Древней Письменности, был членом Комитета Попечительства о Русской иконописи и прославил себя постройкой на Кремлёвской стене памятника Александру II. Самая фигура императора работы Микешина³ была великолепна, но поставлена в павильоне, у которого на манер древних, были сделаны наружные железные связи. Если смотреть снизу стены, то казалось, что статуя повешена за горло на этих связях. Кругом памятника была сделана галерея с изображением великих князей и царей Московских на потолке галереи. Это было замечательное и неудачное произведение архитектурного искусства, портившее вид Кремлёвской стены.

¹ Суслов Владимир Васильевич (1857 – 1921) – русский архитектор, реставратор и археолог, историк русского зодчества.

² Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – граф, русский общественный деятель, историк, коллекционер. Председатель Археографической комиссии, Общества Любителей Древней Письменности, Комитета о попечении русской иконописи.

³ Микешин Михаил Осипович (1835–1896) – русский живописец и график, представитель петербургского академизма.

Впрочем, Султанов был только исполнителем постройки, ему порученной по готовому проекту. Сочинение же проекта принадлежало Жуковскому - сыну поэта¹, пресмыкавшемуся к Александру III и мнившему себя художником, якобы бескорыстно состоявшему при императоре, не получавшему ни чинов, ни орден, но пользовавшегося доверием своего патрона.

Д. В. Григорович² называл его «замшевым человеком». Он умел влиять на Александра III. По поводу памятника этого были сочинены стихи:

*Бездарного строителя
Архибездарный план:
Царя-Освободителя
Поставить в Кегельбан.*

Султанов на съезде ухаживал за гр[афинею] Уваровой. Но ничем себя не проявил. Рефератов не читал.

Из Московских архитекторов был также Павлинов³, но тоже не выступал на съезде. С ними и другими членами съезда мы ограничились лишь приветствиями.

Город Ярославль кормил нас обедом, а местные деятели угостили нас вечерним раутом. Тут, по рассказам, я ушёл раньше, ученая публика подпила и распоясалась. Барсов⁴ и Иловайский⁵ плясали трепака.

В общем, съезд доставил мне несколько новых и очень приятных знакомств. На следующих съездах я больше не бывал - по домашним делам было некогда. Я забыл упомянуть о Д.А. Корсакове⁶ - профессоре русской истории Казанского университета, никакой роли на съезде не игравшем. Это был человек небольшого роста с испитым лицом.

А должен теперь вернуться несколько назад. По окончании курса университета я стал отбывать воинскую повинность. По совету старшего моего брата,

¹ Жуковский Павел Васильевич (1845–1912) – академик Академии Художеств.

² Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) – русский писатель. Ему посвящен специальный очерк воспоминаний (Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. А. В. Дружинин (1824–1864). Д. В. Григорович (1822–1899)//подг. к печати, коммент. В. В. Митрофанов// Вестник «Альянс-Архео». 2025. Вып. 49. С. 131–135).

³ Павлинов Андрей Михайлович (1852–1897) – русский архитектор, археолог, реставратор, историк архитектуры, хранитель Оружейной палаты, академик Императорской Академии художеств.

⁴ Барсов Николай Павлович (1839–1889) – русский историк, профессор Варшавского университета.

⁵ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) – русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России», редактор и издатель газеты «Кремль»

⁶ Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1919) – русский историк, профессор Казанского университета.

служившего в Л[ейб]-Гв[ардейской] Конной Артиллерийской бригаде, через него я поступил в 4-ю батарею Л[ейб]-Гв[ардейской] Первой Артиллерийской бригады 1 сентября 1883 г. вольноопределяющимся на три месяца. В конце августа заказал я в батарею обмундирование и 29 августа, одевши его, пошёл по Литейному проспекту домой. Не доходя Сергиевской улицы, вижу: навстречу мне идут три артиллериста, которым я отдал честь. В это время один из них меня окликнул: «Вольноопределяющийся, отчего Вы не становитесь во фронт перед офицерами Вашей бригады?» (Оказалось, что шёл временно командовавший бригадой, и с ним два офицера, настоящий же бригадный командир был в отпуску). «С какого времени служите и в какой батарее?» Очевидно, мне угрожало взыскание. Я объяснил, что только что надел мундир и начинаю службу с 1 сентября. Он только сделал замечание, что надо знать своё начальство и становиться перед ним во фронт, но взыскания не наложил. Это был, как я потом узнал, капитан Бертоков - будущий начальник нашей учебной команды. 1-го числа я явился в помещение 4-й батареи, в которую поступил. Занятий не было, т[ак] к[ак] люди были на вольных работах и на батарейных огородах. Меня принял старший бомбардир и стал обучать отдаванию чести. Мы шли друг другу навстречу в помещении батареи. Сначала он мне показал, как отдавать честь офицерам вообще, прикладывая руку к бескозырке; потом перешёл он к отдаванию чести с остановкой во фронт своим офицерам и генералам. Тут мой учитель стал подражать походкой и фигурой своим полковникам и генералам. Это было очень комично. Промуштровав меня с час, учитель отпустил меня домой до следующего дня. Жил я недалеко. Бригада помещалась на Литейном проспекте между Пантелеймонской улицей и Артиллерийским переулком; перед казармами был небольшой плац, впоследствии застроенный, а наша 4-я батарея помещалась за Басковой улицей; за казармой была обширная площадь, занятая сараями-конюшнями. На плацу перед бригадой проходили иногда учения пешему строю. С 15 сентября нас шестерых вольноопределяющихся назначили в учебную команду для приготовления к фейерверкерскому чину¹. Как грамотных, нас не обучали словесности, но рано утром и после 12 часов два раза учили гимнастики и фронту. Приходил я в команду к 8 ½ часам утра. Обучение шло до 11 ч. и тогда отпускали домой завтракать, а с ½ первого до 4-х часов была вторая очередь гимнастики и фронта. Пока я не втянулся в эту гимнастику, было очень утомительно, но очень здорово. Я ничего не мог дома делать; но обед я спал и в 10 часов вечера опять ложился спать на ночь. Странно было носить серую солдатскую шинель, мундир и шапку! В таком виде, помню, я читал реферат в университетском Филологическом Обществе². Нося серую шинель, я был очень осторожен

¹ Фейерверкер – унтер-офицерский чин (звание и должность) в артиллерийских частях русской императорской армии

² Филологическое общество функционировало в Петербурге с 1874 г. до 1897 г.

на улицах и не имел никогда никаких неприятностей от офицеров. Начальником бригады был тогда генерал Стрижевский¹, но я его ни разу не видел. Батарейным командиром был у нас замечательный человек полковник Хитрово²; он любил службу и солдата, заботился о нём, как отец. Пища была у нас в батарее образцовая, весьма вкусная – великолепные мясные щи и чудная гречневая каша и хлеб чёрный пекли не в формах, а в каравах: форм для печения хлеба Хитрово не признавал. На дневальствах и дежурствах мне приходилось обедать и ужинать в команде, куда приносили пищу из батареи. Одеты были солдаты нашей батареи образцово: мундиры были цельные и чистые. Солдаты из других батарей были одеты плохо. Мундиры были все в заплатах и изношены. Лошади в батарее были тоже сытно кормлены и в порядке.

Вообще солдаты говорили мне, что второго полковника Хитрово вряд ли можно найти в русской армии. Вот лучшая аттестация командиру! Чёрный хлеб я, как лакомство, приносил домой. От времени до времени, по очереди, были дневальства и дежурства: дневальства на полдня, а при суточных дежурствах меня отпускали на ночь домой, заменяя кем-нибудь из солдат. С 15 октября стали нас учить приёмам при орудии в помещении команды. Тут мы пачкались олеонафтом, которым были смазаны орудия и башни. В ноябре нас предупредили, что 15 ноября будет фейерверкерский экзамен. Один из офицеров, мой хороший знакомый Н.Ф. Шульман, дал нам учебники и записки литографированные - купе артиллерии. В общем нового материала было для меня много. К назначенному дню мы явились. В учебной команде был поставлен длинный стол, покрытый зелёным сукном. Председателем экзаменационной комиссии был начальник учебной команды капитан Берников, ассистентами - четыре отдельных офицера нашей команды. Мы, шесть вольноопределяющихся, все с высшим образованием разных специальностей, выстроились у стола. Берников стал экзаменовывать химика Даниловского о том, как поступать со снарядами, которые оказались неразорвавшиеся во время учебной стрельбы. Надо было их положить в ведро с водой, которое имел при себе собиравший, затем надо было испробовать воду, в которой пролежал снаряд, растворился ли в воде порох. Так отвечал и Даниловский. Берников его перебил: «Как это Вы узнаете, что растворился порох? Что же Вы будете лизать снаряд?» Даниловский ответил, что надо попробовать воду из ведра. Это было явное издевательство. Задав еще несколько вопросов Даниловскому, а нас остальных ничего не спросив, Берников заявил: «Видно, что Вы читали, но плохо усвоили себе предмет. Я Вам назначу через неделю ещё экзамен, а Вы ещё почитаете и придёте второй раз». Я его тогда

¹ Стрижевский Василий Михайлович (1824 – 1907) – генерал-лейтенант.

² Хитрово Николай Михайлович (1844–1909) – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командир 6-го армейского корпуса, генерал от артиллерии.

спросил: «А можно, г. капитан, больше не приходите?» Он спросил: «Почему?» Я сказал ему, что, видимо, предмет очень труден, и я не думаю его лучше усвоить, чем Даниловский». Он не понял моей иронии. Берников ответил: «Как хотите, только будете уволены бомбардирами, а не фейерверкерами!» Экзамен кончился, офицеры ушли, и мы, с возмущением, все шестеро решили больше не приходите, видя явное над нами издевательство: никого, кроме Даниловского, он не спросил и просто заставил прийти второй раз! На следующий день я пошел в дежурную комнату, чтобы сдавать Н.Р. Шульману полученные от него пособия. Я вызвал его на площадку перед дежурной комнатой и с благодарностью стал возвращать ему пособия. Он не хотел их принимать и убеждал держать экзамен. Я все же вернул книги, заявив, что все мы твёрдо приняли это решение. «Да ведь это скандал!», - сказал он. На это я возразил, что не наша в том вина. Берников, очевидно, думал, что мы испугаемся, что не выйдем фейерверкерами! Первого декабря нас уволили из бригады. Впоследствии я узнал, что был отдан приказ по округу с объявлением выговора начальнику учебной команды и офицерам её, что они не сумели приготовить вольноопределяющихся с высшим образованием к получению чина фейерверкера. Это был уже не первый случай в бригаде. Надо было показать, что «военные» науки трудно доступны людям штатским, хотя и с высшим образованием! Во время отбывания службы было трогательное отношение к нам солдат как людям, получившим высшее образование. Интересны были и наблюдения над ними. Это была для меня новая среда, с которой я знакомился. Одно, что было ценно, и это осталось на всю жизнь, это приучение к военной дисциплине. При нас был один инспекторский смотр. Опрашивал генерал претензии. Но это была кукольная комедия. Никто из офицеров и фейерверкеров не имел права присутствовать при опросе претензий, т[ак] к[ак] на них могли быть жалобы солдат. Но оказалось, что старший батареинный портной, надев солдатский мундир, присутствовал при опросе. Я его узнал и видел.

Полковник Хитрово был хозяйственный человек. Осенью с ним вышел курьёз. Он поехал осматривать батареинные огороды, а там была некоторая команда, которая сильно подвыпила. Вдруг дневальный кричит о внезапном приезде полковника Хитрово. Солдаты выбежали навстречу ему, но один был сильно, очень сильно выпивши и лежал между грядками капусты, не решаясь встать при начальстве. Однако Хитрово пошёл посмотреть грядки капусты и шёл между грядками: солдатик нашёлся. Он лежал до приближения полковника, а когда тот подошёл, он быстро встал перед ним. Полковник спросил его: «Что ты здесь делаешь?» - «Капусту караулю, Ваше Высокоблагородие!» Это так понравилось полковнику, что он поздравил его с произведением в фейерверкера. Этот случай произвёл большую сенсацию о нашей команде. Много лет спустя я встретил Хитрово уже генералом от артиллерии во фруктовой лавке. Я подошёл к нему с приветом, назвался давним его солдатом. Тут я ему сказал, что теперь могу ему сообщить то, чего не мог сообщить ему на службе – это мнение о нём его солдат,

что они очень его ценили и говорили, что второго полковника Хитрово нет в русской армии. Хитрово это очень тронуло, и он даже прослезился! Да, это был замечательный командир.

С 1883 по 1889 г. писал мою диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII в.», готовился к магистерскому экзамену, выдержал его в 1888 г. и защитил диссертацию в 1889 г. Мой диспут состоялся 5 марта. Я приехал к часу дня в университет с профессорского поезда, поднялся в длинный университетский коридор. Здесь взял меня под руку Почетный опекун И.П. Корнилов¹, друг детства моего отца, в вицмундире и звёздах, привёл меня в XI аудиторию, самую большую, и подвёл к кафедре. И.П. Корнилов всегда ко мне благоволил. Перед кафедрой был поставлен стол, накрытый зеленым сукном. За столом восседал факультет под председательством декана И.В. Помяловского². Секретарь факультета - пр[офессор] С.Ф. Платонов³ - прочел мою биографию. После этого я взошёл на кафедру. Аудитория была полна. Я прочёл приготовленную речь. По окончании её выступили с возражениями официальные оппоненты: пр[офессор] Замысловский и пр[офессор] Платонов. В публике нашлись ещё оппоненты. Первым из них возражал протоиерей В.И. Перетерский⁴, магистр богословия, бывший мой законоучитель дома и потом в гимназии. Он сам занимался историей раскола. Вторым возражал генерал Краснов⁵, сам писавший по истории донского казачества; после него выступил какой-то казак и еще кто-то, не помню. Всего было шесть оппонентов. Отзывы были благоприятны и диспут прошёл гладко, но времени он занял много: с часу до пяти часов я простоял на кафедре! Я не волновался и не нервничал, т[ак] к[ак] в достаточной мере выпил валериановых капель перед диспутом. После диспута меня у кафедры поздравляли. Я порядком устал. Приехав домой, я пообедал, лёг отдохнуть, но от валерианы не мог уснуть. Вечером был назначен чай со зваными гостями – оппонентами, профессорами и ближайшими знакомыми. Всего было человек более пятидесяти. Этот ужин сделали для меня родители. Около девяти часов стали съезжаться гости. Из профессоров назову здесь Е.Е. Замысловского, С.Ф. Платонова, В.Г. Васильевского⁶,

¹ Корнилов Иван Петрович (1811–1901) – российский государственный деятель, действительный тайный советник; коллекционер.

² Помяловский Иван Васильевич (1845–1906) – филолог-классик, археолог, заслуженный профессор, декан историко-филологического факультета С. Петербургского университета.

³ Платонов Сергей Фёдорович (1860–1933) – российский историк, представитель «петербургской исторической школы» рубежа XIX–XX веков, академик.

⁴ Перетерский Василий Иванович (1843 – 1915) – протоиерей.

⁵ Краснов Николай Иванович (1833–1900) – военный историк. Написал ряд обстоятельных трудов по истории и этнографии донского казачества: «Земля Войска Донского» (СПб., 1863).

⁶ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899) – русский историк, византист, основатель византиноведения в России, академик.

Н.И. Кареева¹. Были, конечно, речи: мне говорили, я отвечал. В общем вечер удался. Часа в два гости разъехались, а мои ближайшие друзья - Чечулин², Середонин³, Шмурло⁴, кроме Платонова, который ушел рано, сейчас после ужина и ещё кое-кто, не помню, мы перешли в мою квартиру, где за бутылками вина просидели до 4-х часов, ведя дружескую беседу. По получении мною степени магистра Русской истории факультет избрал меня приват-доцентом, а проф[ессор] Троицкий⁵ предложил мне читать лекции по истории старообрядчества и готовиться под его руководством к занятию его кафедры по церковной истории – русской и всеобщей.

Когда об этом узнал Е.Е. Замысловский, я, конечно, сказал ему об этом. Он резко этому воспротивился, говоря, что для меня это небезопасно, т[ак] к[ак] может в это дело вступить Обер-прокурор Н.П. Победоносцев⁶ и испортит мне всю дальнейшую деятельность. Замысловский советовал для безопасности окончить курс С.-П[етер]бургской Духовной Академии, что можно было сделать в два года и таким образом, получив патент, обезопасить себя от Обер-прокурора. Другие профессора - Ламанский⁷, Васильевский, Троицкий⁸ - советовали не слушать Замысловского и начать читать лекции. Но я не хотел идти против желания и совета Замысловского и отказался стать приват-доцентом. К тому же и домашние обстоятельства мне помешали: умер мой отец, и мне пришлось заняться домашними делами, т[ак] к[ак] другие братья не взяли на себя этой обузы. Кроме того, началась моя служба в Археологической комиссии. Я был также избран членом Русского Археологического Общества. Тогда меня очень огорчило, что я не стал приват-доцентом: жаль было расставаться с университетом. Но впоследствии я понял, что хорошо сделал, что не стал читать лекций и это насколько не помешало моей ученой деятельности.

¹ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – русский историк и социолог, педагог, академик.

² Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) – русский историк, искусствовед, историк русской литературы XVIII – начала XIX вв.

³ Середонин Сергей Михайлович (1860–1914) – русский историк и источниковед, специалист по истории высшего государственного аппарата

⁴ Шмурло Евгений Францевич (1853–1934) – российский историк, деятель науки и культуры русского зарубежья, историограф, археограф.

⁵ Троицкий Иван Егорович (1832–1901) – учёный-византист, профессор С. Петербургской Духовной Академии.

⁶ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – российский государственный деятель, учёный-правовед, публицист, обер-прокурор Святейшего Синода (1880–1905)

⁷ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – русский историк и славист, заслуженный профессор С. Петербургского университета, академик АН.

⁸ Далее зачеркнуто- и другие.

В Археологическую комиссию я попал по рекомендации гр[афа] И.И. Толстого¹. На меня были возложены доклады дел в заседаниях Комиссии и заведывание библиотекой. Комиссия помещалась тогда в верхнем этаже Эрмитажа. Можно было проходить туда по винтовой железной лестнице, имевшей 110 ступеней. В одной большой комнате сидел и занимался за отдельным столом старший член Комиссии бар[он] В.Г. Тизенгаузен² и за другим столом - регистратор Комиссии И.С. Сутулло³ и за третьим столом сидел я. Среди комнаты был большой-большой стол, на котором складывались поступающие древности. К нам приходили на заседания три других члена Комиссии - гр[аф] И.И. Толстой, пр[офессор] Н.П. Кондаков⁴ и М.П. Боткин⁵. В другой комнате в одно окно, узкой и длинной, была канцелярия. Сидел там делопроизводитель Комиссии И.А. Суслов и канцелярский служитель Куркин. Помещение было тесное и неудобное. У Председателя⁶ не было отдельного кабинета.

Председателем был граф А.А. Бобринский, археолог-любитель и собиратель древностей, имевший своё собрание предметов древности и производивший раскопки в своём имении Смела Киевской губернии. Он пользовался своей близостью к Министру двора графу И.И. Воронцову-Дашкову и успешно вёл дело Комиссии. Ему всегда удавалось добывать экстренные суммы в несколько тысяч для покупки выдающихся кладов и предметов древности, предлагавшихся к продаже счастливыми. 11 марта 1889 г. он выхлопотал высочайшее повеление о том, чтобы все раскопки на землях казенных и общественных разрешались только Комиссией и поступали бы в неё. Клады, находимые на тех же землях, тоже должны были поступать в Комиссию. Все реставрации древних памятников тоже должны были проходить через особые совещания, в которых принимала участие Комиссия и представители Академии Художеств и Синода. Года через два по моём поступлении Комиссия была переведена в запасную половину Зим-

¹ Толстой Иван Иванович (1858–1916) – русский государственный деятель, археолог и нумизмат, который с 1886 по 1893 год был членом Археологической комиссии. В воспоминаниях ему посвящен отдельный очерк (Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Граф Иван Иванович Толстой. 1858-1916/подг. к печати, коммент. В. В. Митрофанов// Вестник «Альянс-Архео». 2025. Вып. 49. С. 146–151).

² Тизенгаузен Владимир Густавович (1825–1902) – историк – востоковед, нумизмат, археолог. В 1861 г. он был назначен производителем дел в Археологическую комиссию, где служил до 1900 г. Чл.-кор. АН по разряду восточной словесности.

³ Сутулло Илья Семенович (1859–?) – регистратор Археологической комиссии.

⁴ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – русский историк византийского и древнерусского искусства, археолог.

⁵ Боткин Михаил Петрович (1839–1914) – русский живописец, рисовальщик и гравёр, один из крупнейших и наиболее авторитетных художников салонного академизма второй половины XIX в. Академик Академии Художеств.

⁶ Председателем с 1886 по 1917 г. был граф А. А. Бобринский.

него дворца на углу Зимней Канавки и Набережной Невы и получила в двух этажах лучшее, более обширное помещение. Почти каждый год устраивались выставки поступавших древностей для рассмотрения государя. Сначала эти выставки проходили в голубом зале запасной половины, но впоследствии в помещении Комиссии на Зимней канавке. Чтобы попасть в прежнее помещение Комиссии, надо было пройти нижним этажом через зал античных мраморов. И вот, в 1890 г. прихожу я в Эрмитаж в понедельник, на первой неделе поста, и вижу, что весь вестибюль Эрмитажа наполнен весьма серой, необычной публикой. Это были заводские мастеровые Шлиссельбургского тракта. Пока одни гуляли по залам, которые были довольно тесно наполнены, другие держали и сторожили их платье, т[ак] к[ак] вешалок не хватало. Затем этих сменяли их товарищи. Я выразил удивление такой необычной массе посетителей. Мне объяснили, что существует обычай, по которому все рабочие с фабрик, находящиеся на тракте первые три дня не работают, а отдыхают после масленицы и посещают для этого Эрмитаж, и, таким образом, протрезвляются. После этого Эрмитаж закрывался на последние дни первой недели, полы мыли и тёрли. И этот обычай повторялся ежегодно. На переходе в другое помещение Комиссия получила более обширное и удобное местопребывание. Было два входа: один с Невского со швейцаром, а другой с Зимней канавки. В нижнем этаже был зал для выставок, кабинет Председателя, кабинет делопроизводителя И.А. Сулова и канцелярия. В верхнем этаже был зал для заседаний, кабинет одного из членов, кабинет старшего члена Комиссии, ещё комната, где сидели за большим столом два члена Комиссии и одна узкая, где раскладывали поступавшие собрания. Далее шла тёмная кладовая для склада изданий и бумаги. Последняя заготовлялась впрок. Во всех комнатах помещалась в шкапах библиотека Комиссии. Как я уже выше сказал, Председателем был граф А.А. Бобринский, сам по себе человек ничтожный и всецело подчиненный руководству барона В.Г. Тизенгаузена, который в сущности и управлял Комиссией. Бобринский почти ежедневно посещал Комиссию, председательствовал на её заседаниях. Он был вместе с тем бездеятельным Управляющим Отделением Русского Археологического Общества¹. Он имел печатные труды – описание раскопок в своём имении «Смела» Киевской губернии, два тома в лист, очень роскошно изданные. Был он очень богат, т[ак] к[ак] был женат на дочери² Ст[атс]-секр[етаря] А.А. Половцова³. Дети были от барона Штиг-

¹ В 1894 г. его сменил на этом посту С. Ф. Платонов, возглавлявший Отделение 23, 5 года, хотя и с перерывом (Митрофанов В. В. Сотрудничество А. А. Бобринского с С.Ф. Платоновым в рамках Русского отделения Русского археологического общества// Культурный ландшафт регионов 2020. Т. 2. № 5. С. 58–74).

² Половцева Надежда Александровна (1865–1920) – жена А. А. Бобринского.

³ Половцов Александр Александрович (Половцев) (1832–1909) – русский промышленник, государственный и общественный деятель, сенатор, государственный секретарь, член Государственного совета.

лица¹, на дочери² коего был женат Половцев. Между прочим, про Штиглица было известие, что по завещанию своему он оставил 1 миллион рублей музею, носившему его имя. Кроме того, по завещанию, что он оставил музею все суммы, которые не найдут себе распределения в завещании и о которых он не упоминает. Таких сумм после смерти его набралось до 900 т. рублей.

По фигуре своей Бобринский совершенно не напоминал свою прабабку Екатерину II, а имел вид еврея со всеми свойственными этому племени замашками и манерами (о его происхождении см[отреть] биографию гр[афа] И.И. Толстого). В общем, он почему-то был баловень графа Воронцова-Дашкова, который выдвигал его и щедро награждал чинами и орденами. До А.Д. Зиновьева³ гр[аф] А.А. Бобринский был долго С.-П[етер]бургским предводителем дворянства. На выставках, которые устраивала Комиссия, он руководил государя, объясняя ему предметы древности. В Комиссии он вёл себя очень любезно, но авторитета, как археолог, не имел. Он был личный враг гр[афини] П.С. Уваровой, которая его игнорировала и не считалась с Археологической Комиссией настолько, что даже не посылала Комиссии изданий Московского Археологического общества в обмен на издания Комиссии – Отчеты и Материалы по археологии России, мотивируя это тем, что изданий комиссии меньше, чем изданий Общества, иначе говоря, расценивая издания по весу бумаги. (Не скажу, чтобы это был просвещенный обмен изданиями двух ученых учреждений).

Старшим членом Комиссии был барон В.Г. Тизенгаузен. Я поступил в Комиссию, когда ему было уже семьдесят с лишком лет (род[ился] в 1826 г.). Он был фактическим Председателем Комиссии. Он руководил ею с канцелярией, бывая в ней каждый день. Восточник по образованию и специалист нумизмат, напечатавший описание монет Восточного Халифата, он прекрасно знал мухамеданскую нумизматику. Кроме того, он издал тексты с переводами материалов для истории Золотой Орды. Службу свою он начал в медицинском департаменте Министерства Внутренних дел, а в зрелом возрасте специализировался на раскопке огромных скифских курганов в казачьих степях и на Кубани и, удачно проводя раскопки, обогатил Эрмитаж многими ценными золотыми предметами скифской работы. В моё время он уже ездил на раскопки. В Комиссии он редактировал отчеты, зная языки – немецкий и французский, на которых свободно го-

¹ Штиглиц Александр Людвигович фон (1814–1884) – барон, крупнейший российский финансист, банкир и промышленник, управляющий Государственным банком России (1860–1866), меценат, благотворитель.

² Есть сведения, что Надежда Михайловна Половцева (Июнева 1843–1908) была внебрачной дочерью великого князя Михаила Павловича, или самого барона.

³ Зиновьев Александр Дмитриевич (1854–1931) – с 1897 г. избран Санкт-Петербургским губернским предводителем дворянства. В 1903–1911 гг. – Санкт-Петербургский губернатор, в 1907–1910 гг. – главноначальствующий в С.-Петербургской губернии

ворил: он признавал лишь скифские и греческие древности, предметов же каменного века не признавал. Очень воспитанный, он вёл себя по-товарищески, не играл роли старшего. В обращении он был очень приятен, часто шутил очень ехидно и остроумно, но никогда не переходил границы панибратства. К нему приходило в Комиссию навещать его много немцев, с которыми он говорил по-немецки. Видимо, знавшие его, его уважали. При моём поступлении у него была некоторая чопорность в обращении с канцелярскими служащими: он при здоровании не подавал им руки. Но когда я стал подавать руку всем им, то и он последовал моему примеру.

Был при нём забавный случай. Некий Передольский¹, новгородский археолог, частный поверенный, из года в год производивший раскопки в урочище «Коломцах», близ Новгорода, где он находил бесконечное число черепков и кремней, собравший себе большую коллекцию этих предметов, просил Комиссию выдать ему открытый лист на продолжение раскопок. Бар[он] Тизенгаузен, не сочувствуя этим раскопкам, решил отказать в выдаче листа. Коломцы находились на общественной земле. После этого Передольский хотел продать результаты своих раскопок Археологической Комиссии и просил разрешения выставить на выставке своё собрание. Ему разрешили, и вот он привёз своё собрание с двумя дочерьми и их гувернанткой, стал раскладывать в выставочном зале предметы, добытые в раскопках. Это было бесконечное повторение черепков, кремней и пр. Посреди зала был поставлен стол и на нём на красном стёганом одеяле был положен костяк, который был окружен черепками, кремнями и пр., конечно, не в том виде в каком был найден, а произвольно. Когда костяк был уже устроен, зашел как-то бар[он] Тизенгаузен; он посмотрел на костяк и не без ехидной улыбки спросил Передольского: «Вы так и нашли этот костяк?» Передольский понял иронию и ответил: «Да, только без красного одеяла!» Коллекцию Передольского не купили, да в том году не состоялось посещение выставки государем. Передольский увёз своё собрание обратно.

Службу свою до Археологической комиссии бар[он] Тизенгаузен начал в медицинском департаменте Министерства Внутренних Дел. Он рассказывал, как в то время просвещенное начальство решило просветить провинциальных фельдшеров. Медицинский департамент издал очень ценный гравированный на меди анатомический атлас в красках. Начальство решило разослать его фельдшерам для «поучения», что и было исполнено. И вот Тизенгаузен проезжал какое-то село. Он остановился у фельдшера и к ужасу своему увидал этот ценный атлас растрёпанным на полу в руках детей, которые вырезали разные неподходящие изображения органов человеческого тела. Таков был результат этой просветительной меры.

¹ Передольский Василий Степанович (1833–1907) – русский историк-краевед, создатель частного музея. В коллекции хранилась уникальная краниологическая коллекция из 800 черепов и даже берестяная грамота

Я уже сказал, что он раскопал много скифских курганов и доставил множество ценных скифских предметов в Комиссию, некоторые она передала в Эрмитаж. Он повествовал как он ехал однажды по Донской области на раскопку. На станции его предупредили, что по дороге иногда грабили проезжих. На козлы перекладной повозки сел молодой ямщик. Опасаясь его, Тизенгаузен достал бывший у него большой кухонный нож и держал его дорогой в руках. Во время дороги ямщик всё оглядывался на своего пассажира, а Тизенгаузен намеренно поворачивал в руках нож, пугая этим ямщика, который усердно погонял лошадей. Когда доехали до следующей станции, ямщик соскочил с облучка и стал усердно креститься. Тизенгаузен спросил его о причине такого усердного моления. А на это ямщик заявил ему: «Эх, барин, еду и, смотря на Вас, думаю, а что как Вы меня зарежете ножом, который у Вас в руках!» Т[аким] о[бразом], пассажир и ямщик всю дорогу боялись друг друга!

В Археографической¹ Комиссии он описывал при мне собранные медные ножи, доставленные в Комиссию археологом Лопатиным², а в приложениях печатал сведения о таких орудиях, находившихся в путевых журналах академиков XVIII в. Это он помещал в «Материалах для археологии России», печатавшихся в Комиссии.

О конфликте его с гр[афом] И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым см[отреть] биографию гр[афа] И.И. Толстого. В 1893 г. бар[он] Тизенгаузен был избран членом-корреспондентом Академии Наук. В котором году умер Тизенгаузен - не помню³.

Другим членом Комиссии был проф[ессор] истории искусства Петербургского университета Н.П. Кондаков, южанин по происхождению, родившийся в 1846 г.⁴ Сильный брюнет с желтым цветом лица, большого роста. Он был всегда трагически настроен. Он окончил курс Московского университета и получил доктора в Новороссийском университете, где стал профессором, а потом перевёлся в Петербургский университет. Он был большим приятелем гр[афа] И.И. Толстого. Его сочинений я перечислять не буду, они слишком известны.

В Комиссии он участвовал в заседаниях и из осторожности не брал на себя определения предметов, присылаемых в Комиссию, и признавал их фальшивыми. Так было, например, с серебряным блюдом, найденным близ Керчи с изображением Юстиниана⁵, которое впоследствии описали проф[ессор] Н.В. Покров-

¹ Описка, правильно Археологической

² Лопатин Иннокентий Александрович (1839–1909) – горный инженер, географ, археолог и этнограф.

³ Умер 2 (15) февраля 1902 г.

⁴ Родился в 1844 г.

⁵ Юстиниан I (Юстиниан Великий) (482–565) – византийский император, правивший с 1 августа 527 г. вплоть до своей смерти в 565 г. Правление Юстиниана стало периодом наивысшего расцвета Византии.

ский¹ и Венский профессор-археолог Стржиговский². Это описание напечатано в «Материалах по археологии России»³. Пр[офессор] дослуживал в университете тридцатилетие профессуры и заявил факультету, что освобождает кафедру. Это было в период студенческих обструкций. Когда его спросили, кого он намечает себе преемником, то он спросил: «Куда?» Ему отвечали: «На кафедру истории искусства». Он опять спросил: «Для чего?» Ему ответили не без удивления: «Читывать лекции студентам». Он возразил: «Студентам? Овса им надо, а не истории искусства». Таково было его отношение к современным ему студентам. Оставив профессуру, он уехал в Крым, где имел небольшое имение и жил иногда в Одессе. Туда же перевёз он всю богатую библиотеку и продолжал работать. Будучи профессором, он совместно с гр[афом] С.Д. Шереметевым основал высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи⁴. Задача Комитета заключалась в том, чтобы поднять русскую иконопись, устроить школы для обучения мастеров и облегчить сбыт икон и тем противодействовать печатанию их на жести, что очень поощрял Синод, покровительствуя фабрике Жако⁵. О Комитете будет сказано ниже. Н.П. Кондаков с гр[афом] С.Д. Шереметевым объехал места производства икон во Владимирской губернии и тогда уже основали они Комитет. Государь был покровителем Комитета, гр[аф] С.Д. Шереметев - Председателем, а Кондаков - не сменным управляющим делами Комитета. Вообще, оставив профессуру, Кондаков обратился к изучению иконографии. При начале революции Кондаков уехал в г. Софию и там продолжал работы, оставив после смерти⁶ три больших тома истории русской иконографии⁷, которые были изданы ны за границей – первый том вышел еще при его жизни⁸.

¹ Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – российский историк искусства, педагог, археолог, специалист по церковной археологии и древнехристианскому искусству.

² Стржиговский Йозеф (1862–1941) – польский и австрийский историк и теоретик искусства, представитель венской школы искусствознания, специалист в области византийского искусства.

³ Речь идёт о серебряном блюде (керченский миссорий), найденном в 1891 г. (Древности южной России: Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 году. Исследования Иос. Стржиговского, профессора Университета в Граце и Н.В. Покровского, Профессора С.-Петербургской Духовной Академии. С 5 таблицами и 9 полнотипажамми в тексте. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1892, 38 с).

⁴ Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. СПб.: тип. И. Генералова. 1907. 45 с.

⁵ Фабрика Жако и Бонакера в Москве (их часто называют иконы Жако Москва, иконы Бонакер) фактически обладала монополией на выпуск икон.

⁶ Н. П. Кондаков жил в Праге, где и умер в 1924 г.

⁷ Кондаков Н. П. Русская икона. Прага: Seminarium kondakovianum, 1928–1933. 4 т.

⁸ Кондаков Н. П. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1905. 97 с.; Он же. Иконография Богородицы:

Членом Археологической Комиссии был также М.П. Боткин (родился в 1839 г.) - известный академик, художник, оставивший себе большой музей средневекового искусства и перегородчатых византийских эмалей. Его музей помещался в особняке на Васильевском острове, близ Горного института. Несмотря на большое богатство, он был весьма лукавый человек, сладкий в обращении и неустойчивый в принципах. Так, когда приносили в Археологическую комиссию продавать предметы, его интересовавшие, он низко их ценил, а если потом, когда продавец не уступал предметов, забегал к продавцу и покупал их для себя по более возвышенной цене. И на этом его ловили! Известно было, что византийские эмали, украденные из собрания Звенигородского¹, были куплены Боткиным и находились в его собрании, о чем напечатал Н.П. Кондаков в описании собрания Звенигородского². Но эмали остались в собрании Боткина. Впоследствии он их издал в роскошном описании своего собрания. Особенно некрасивую роль сыграл он в деле возобновления фресок Новгородского Софийского собора. Архиепископ Новгородский Феогност³ решил возобновить фрески и отремонтировать собор, на что нашёл средства после археологического обследования собора. Для наблюдения за работой⁴ архитектора, составлявшего эскизы фресок, В.В. Сулова была учреждена особая подкомиссия при Археологической комиссии из архитекторов Г.И. Котова⁵, М.Т. Преображенского⁶ и Боткина. Эскизы браковались, т[ак] к[ак] были исполнены бесталанно и неудовлетворительно. Это давало затяжку делу, а арх[иепископ] Феогност торопил его. Тогда Боткин забежал к обер-прокурору Победоносцеву и предложил свои услуги взамен подкомиссии. Победоносцев получил на это высочайшее разрешение и дело было передано под наблюдение одного Боткина. И после этого, как ни в чем не бывало, он продолжал бывать на заседаниях Археологической комиссии. Председатель её гр[аф] А.А. Бобринский задал ему по этому поводу вопрос, а Боткин, не

связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1910. 216 с.

¹ Звенигородский Александр Викторович (1837–1903) – русский коллекционер и меценат, известный собиранием древностей, в частности византийских эмалей. Коллекция византийских эмалей сформировалась к середине 1880-х годов. Чтобы приобрести образцы, Звенигородский предпринимал путешествия — в Европу, на Кавказ, в Константинополь.

² «История и памятники Византийской эмали: Из собрания А.В. Звенигородского» (1892).

³ Феогност (в миру Георгий (Егор) Иванович Лебедев) – архиепископ Новгородский и Старорусский, занимал эту должность с 21 ноября 1892 г. по 13 августа 1900 г.

⁴ Далее зачеркнуто- художника.

⁵ Котов Григорий Иванович (1859–1942) – русский архитектор, реставратор, преподаватель, академик Академии художеств.

⁶ Преображенский Михаил Тимофеевич (1854–1930) – русский архитектор, реставратор, педагог, историк древнерусского зодчества, академик архитектуры.

краснея, дал утвердительный ответ. Т[аким] о[бразом], через Победоносцева Боткин встал во главе Комиссии, учрежденной при Синоде по реставрации церквей, чем было парализовано высочайшее повеление 11 марта 1889 г., передававшее это дело Археологической комиссии. Когда я поступил в Археологическую комиссию, то друг нашего дома Д.В. Григорович предупредил меня: «Там ты познакомишься с Боткиным; имей в виду, не верь ему ни в одном слове; Мишашик (так он его назвал) - человек лживый и лукавый!» И это был человек, который всю жизнь свою провёл, как говорится, в «шелковых пелёнках». Со мной он был отменно любезен и показывал мне однажды свой музей. В комиссии он присутствовал только в заседаниях и был совершенно бесцветен, поддакивая гр[афу] Бобринскому и бар[ону] Тизенгаузену. Он, очевидно, был членом Комиссии для получения чинов и орденов.

По уходу из Комиссии гр[афа] И.И. Толстого и пр[офессора] Н.П. Кондакова, в Комиссию были избраны А.А. Спицын (о нём см[отреть] выше¹) и профессор персидской словесности Н.И. Веселовский². Последний был человек весьма высокий и полный, имевший неправильную ступню и потому прихрамывавший, милейший человек, большой хлебосол, с английским характером, хотя вспыльчивый, и всегда твёрдо выражавший своё мнение. Особенно пылил он за винтом, но был отходчив. Я с ним близко познакомился, будучи секретарём Русского Археологического Общества. Он постоянно бывал на моих дружеских вечерах, любил играть в винт, очень свирепо бранил своего партнёра, но сейчас же после брани его лицо освещала ангельская улыбка и он забывал свой гнев.

Лекции, говорят, читал он скучно. В Археологическом обществе он издал три тома документов по сношениям с Персией в XVII в.³ Впоследствии Г.И. Веселовский перешел на производство раскопок больших Скифских и других курганов в области Войска Донского и Кубанской области и обогатил счастливыми находками собрания Эрмитажа, куда Комиссия передавала все более ценные предметы. Мы сидели с ним в Комиссии в одной комнате, за одним столом, друг против друга. Он ездил в Ташкент обследовать мечети и издал их описание; особенно замечательно описание мечети Тамерлана. Как я уже сказал, он был большой хлебосол и раза четыре в год звал к себе вечером. У него играли в карты, потом был обильный ужин, кончавшийся в пятом часу утра. У него была

¹ Дружинин В.Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. А.В. Дружинин (1824–1864). Александр Андреевич Спицын (1857–1933)/подг. к печати, коммент. В. В. Митрофанов// Вестник «Альянс-Архео». 2025. Вып. 49. С. 140–145).

² Веселовский Николай Иванович (1848–1918) – русский археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии, Крыма и Кавказа, чл.-кор. АН.

³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изданы под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, Т. 1 1890. 455 с.; Т.2. 1892. 447 с.; Т. 3. 1898. 731 с.

небольшая подручная библиотека, но бывшая в беспорядке и за отсутствием шкапов и полок, книги стояли на полу столбиками. Нередко, не находя нужной книги, он покупал второй и третий её экземпляр. Покупал он также старинные восточные предметы и бронзовые сосуды. Все мы его любили и уважали. Умер он в 1918 г. (?).

В Комиссии на меня возложили заведывание библиотекой, доклады дел в заседаниях, составление протоколов заседаний и редактирование некоторых выпусков «Материалов по археологии России»¹.

Библиотека Комиссии имела карточный каталог, но беспорядочно составленный, хотя составлял его некий Во́лтер, считавшийся библиографом, но человек бестолковый. Так, например, многотомные периодические издания были занесены в шифры неперIODических изданий. Пришлось упорядочивать карточный каталог. За описание коллекций древностей я не брался, так как не специалист. Докладами моими и протоколами, как я случайно узнал, были довольны. Мне удалось ввести в Отчеты полезное новшество. В Археологическую Комиссию поступали монетные клады, найденные на землях казённых и общественных. Они определялись, и находчики их вознаграждались. Ценные монеты поступали в Эрмитаж и прочие местные музеи. Комиссия не оставляла у себя ничего: ни монет, ни предметов древности. Была книга, в которую заносились монетные клады. Клады неинтересных мест отправлялись на монетный двор для переплавки. Стоимость металла получал находчик.

Я предложил составлять списки поступивших кладов и располагать их по алфавиту местностей, откуда они поступали с указанием судьбы клада и дело о нём. Эти списки стали печататься в Отчетах Комиссии. За всё время самостоятельного существования Комиссии, как самостоятельного учреждения, мне поручалась редакция некоторых выпусков «Материалов по археологии России». Я был докладчиком в реставрационных заседаниях. Среди реставрационных дел особенно было любопытно дело о восстановлении развалин Мстиславова храма во Владимире Волынском². С проектом выступил профессор истории искусства Киевского университета А.В. Прахов³. Развалины, в сущности, ничего интересного не представляли и были испорчены последующими работами; древнего в них оставалось мало, а проект был грандиозен и предусматривал миллионный расход. Умысел А.В. Прахова заключался в том, чтобы получить % % в случае поручения ему этой работы. Когда проект поступил в Комиссию из Министер-

¹ Далее помета В. Г. Дружинина: «стр. 249».

² Мстиславов храм (Успенский собор) – православный храм в городе Владимире на Волыни, древнейший в регионе памятник церковной архитектуры. Построен в 1160 г. В 1896–1900 годах собор был восстановлен в формах XII в.

³ Прахов Адриан Викторович (1846–1916) – русский историк искусства, археолог и художественный критик, профессор истории изящных искусств Киевского университета (1887–1897).

ства Внутренних Дел, меня послали к всемогущему тогда директору Департамента общих дел Министерства В.Д. Заике¹, с которым я был знаком, узнать от него мнение Министерства об этом проекте. Я пришёл к В.Д. Заике и когда задал ему вопрос о проекте Прахова, он замахал руками и заявил: «Это опять миллионная концессия в пользу Прахова! Министерство совсем не заинтересовано в осуществлении проекта!» Очевидно, Прахов играл на реставрации памятника в Ю[го]-З[ападном] крае, разрушенного иезуитами – остатка православия в Ю[го]-З[ападной] России. Мнение В.Д. Заики уже предрешило судьбу проекта, т[ак] к[ак] деньги могло ассигновать лишь Министерство Внутренних Дел. Комиссия рассмотрела проект и отклонила его.

Мне удалось ввести в Комиссию фотографирование предметов, поступавших в Комиссию. До меня зарисовывал их плохой рисовальщик и эти рисунки вшивались в дело. Я сам был хороший фотограф и доказал, что фотография пригодней ручной зарисовки. Потом я научил фотографировать сторожа Комиссии Чистякова, который стал прекрасно исполнять эти работы. В Эрмитаже не было фотографии и все, кому были нужны снимки с предметов, хранящихся в Эрмитаже, обращались к Чистякову, а он хорошо на этом зарабатывал. Чистякова, как фотографа, взял с собой Н.И. Веселовский, когда поехал в Ташкент описывать мечети и поручил ему съёмку мечетей. Чистяков составил альбомы снимков и продавал их по 300-400 рублей.

По разным монетным делам Комиссии барон Тизенгаузен поручал мне переговоры в Минц-кабинете² Эрмитажа с тамошними хранителями – старшим хранителем Минц-кабинета академиком А.А. Куником³ и младшими Ю.Б. Иверсеном⁴ и А.К. Марковым⁵. Нужно было получать от них определение монет, поступивших в кладях. Они же отбирали для Минц-кабинета необходимые монеты.

А. А. Куник родился в 1816 г. в Германии, в г. Лигнице, в Силезии окончил курс Берлинского у[ниверсите]та. Он написал там сочинение о пришествии варягов в Русь⁶ и обратился в Академию к академическим немцам с просьбой напечатать эту работу и дать ему занятия в Академии; в случае отказа ему угро-

¹ Заика Владимир Денисович (1833–1893) – тайный советник, директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел Российской империи; юрист по образованию.

² Минц-кабинет – помещение, в котором собраны монеты и медали (от немецкого Münze = монета).

³ Куник Арист Аристович (1814-1899) – академик АН, с 1859 г. хранитель русских монет, с 1864 г. – хранитель, с 1886 г. – старший хранитель галерей императора Петра I и драгоценных вещей в Эрмитаже.

⁴ Иверсен Юлий Богданович (1823–1900) – исследователь русских медалей, нумизмат и коллекционер.

⁵ Марков Алексей Константинович (1858– 1920) – русский археолог и нумизмат

⁶ «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven» (СПб., 1844) =«Призвание шведских родсланов финнами и славянами».

жало, по его словам, бросить научную работу и заняться каким-либо ремеслом. Всесильные тогда академические немцы откликнулись на его просьбу. Выписали его в 1839 г. в Петербург и сделали адъюнктом Академии в 1844 г. Такова негласная история его появления в С.- П[етер]б[урге]. Сочинение его, действительно, отличалось научными достоинствами: он был представитель нормандской теории о варягах. Работа его в двух томах была напечатана на немецком языке. В течение долгой своей жизни Куник какой-либо большой работы не напечатал, а печатал только небольшие статьи и замечания, которых у него более ста. Но знаний у Куника к концу его жизни была масса, и он во всех областях истории, археологии и нумизматики был хозяином.

Если он сразу не мог ответить на заданный ему вопрос, он обещал дать его после справки и, как прекрасный библиограф, находил ответ. Для этого он просиживал дни и ночи, увлекаясь разысканиями. У него была собранная им обширная библиотека. Со мной Куник был весьма высокомерен. Он был небольшого роста, плотный мужчина, брил подбородок, в волосах, стоявших тычком, была проседь. Он носил золотые очки. Жил он на набережной Невы, на углу 7 линии, в казенной квартире. Там находилась его богатая библиотека, которая по смерти была куплена у его наследника - племянника - и поставлена в отдельном помещении в здании академической библиотеки. В последние годы жизни он особенно интересовался Аракчевым и с. Грузиным¹. Он часто приходил в Археологическую комиссию и беседовал с бар[оном] Тизенгаузенем. Его особенно уважала и любила императрица Мария Александровна, жена Александра Второго, и нередко приглашала его к завтраку. Он, конечно, являлся в мундире. Раз как-то был он приглашен по получении второй орденской ленты. Пришёл он во дворец, надев обе ленты крест-накрест. Швейцар дворца остановил его и указал ему, как надо надеть ленту. Жил он совершенно одиноко. Какие-то родственники были у него за границей. Когда он умер, то на панихидах, которые служила Академия, и на похоронах не было родных. Только через некоторое время приехал его племянник получать наследство. Тяжелое впечатление производили эти панихиды без родных умершего, без грусти и слёз. На одной из панихид подошёл ко гробу известный византист В.П. Васильев², пошевелил руку умершего и заявил: «А он уже умер, а я ещё жив!» Правда, Васильеву было тогда за 90 лет! Всё несчастье Куника заключалось в том, что он начинал какую-либо работу, не доводил её до конца – печатал её и переходил к другой работе и тоже начинал её печатать, делая пропуски в издании, и продолжал печатание, пропустив средние несколько листов и не окончив её, начинал печатать новую. После его смерти в типографии осталась целая кладовая начатых им изданий,

¹ Грузино – утраченный памятник русского классицизма, усадьба А. А. Аракчеева (1769-1834), одного из самых могущественных сановников Российской империи первой четверти XIX в.

² Васильев Василий Павлович. (1818 – 1900) – русский китаевед, академик АН.

числом до 20. Это было возможно потому, что типографскую работу не оплачивала Академия из своего бюджета. Между прочим, у него была большая затея – восстановить библиографический перечень всех печатных актов... Он составил и напечатал такой перечень для Древней Российской Вивлиофики¹ и еще нескольких последующих изданий, напечатал десять листов этого перечня и снабдил его такими условными значками, которые и сам потом не мог разобрать. Этот перечень оказался совершенно непригодным к использованию, и один лишь экземпляр его хранился в Археографической комиссии.

После его смерти эту кладовую поручили разобрать Лаппо-Данилевскому, который окончил и выпустил в свет только одно издание «Нева и Ниеншанц»². После он умер, не окончив разбора начатых изданий.

Пришлось просто обратить их в макулатуру.

Куник сидел в Минц-кабинете Эрмитажа внизу; у него был стол и рядом шкаф. Наверху этого кабинета на антресолях помещались другие хранители этого кабинета – Ю.Б. Иверсен, специалист по русским медалям и средневековым европейским монетам. Он был личным врагом Куника. Куник обвинял Иверсена, что он ничего не делал для кабинета и был, кажется, прав – он целый день то завтракал, то пил чай с остальными хранителями – А.К. Марковым и Г.Е. Кизерицким³.

Марков был специалистом по восточным монетам, а Кизерицкий - заведующим Отделом скифских древностей. А Иверсен не оставался в долгу и говорил, что у Куника в шкафу хранится водка и он постоянно напивается. Но это не было похоже на Куника.

В общем, Куник был очень знающий и интересный человек и любил делиться своими знаниями со всеми к нему обращавшимися.

В Археографической комиссии он напечатал два выпуска Писцовых книг Ижорской земли XV в. и Русско-Ливонские акты.

Другим хранителем Минц-кабинета был уже ранее названный Ю.Б. Иверсен. Он родился в Ревеле, в 1823 г. Сначала был преподавателем в средних учебных заведениях, а в 1879 г. был назначен хранителем Минц-кабинета Эрмитажа, как специалист по описанию медалей, чеканенных в России, и знаток средневе-

¹ Название работы Куника должно было быть таким: «Перечень актов» с объяснительным заглавием — «Материалы для приготовления полного хронологического указателя русских грамот и документов, относящихся к истории России (до 1700 г.)» По задумке Куника, перечень должен был состоять из заголовков грамот, хронологического комментария, указателей (личного, географического и предметного) и алфавитного списка сокращений.

² Нева и Ниеншанц: С вступ. ст. А.С. Лаппо-Данилевского [«Андрей Иоганн Гиппинг и судьба его исторического труда о Неве и Ниеншанце»]. Ч. 1-2 / Сост. А.И. Гиппинг. Ч. 1 / 2 т.; 23. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1909-1916. 303 с.

³ Кизерицкий Гангольф Егорович (1847–1904) – археолог, хранитель древностей Императорского Эрмитажа.

ковых европейских монет. Он был богатым человеком, имел свой дом и собрал себе нумизматическую коллекцию. Он напечатал в Русском Археологическом обществе два тома описания русских медалей. Он был среднего роста, говорил хорошо по-русски, хотя с акцентом, прибавляя к каждым двум словам «то, то». Когда он говорил по-немецки, такой присказки у него не было. В Эрмитаже он мало работал, а большую часть времени проводил в чаепитии с другими хранителями Эрмитажа и часто заходил болтать к бар[ону] Тизенгаузену в Археологическую комиссию. В общем, он был благодушный немец.

Третьим хранителем Минц-кабинета был А.К. Марков. Он родился в 1858 г., в С.-П[етер]бурге, но потом попал в Париж, где окончил курс в школе «*École des langues orientales vivantes*»¹. Переехав в С.-П[етер]бург, он окончил курс С.-П[етер]бургского Археологического института. Он специализировался на изучении восточных монет и издал несколько работ по описанию этих монет на французском языке. В 1886 г. он был приглашен в С.-П[етер]бургский Археологический институт читать лекции по нумизматике. Между другими работами он продолжил сочинение П.С. Савельева² о топографии монетных кладов, найденных в России. В 1882 г. он был назначен хранителем Минц-кабинета Эрмитажа и заведовал собранием Восточных монет, привел в порядок это собрание, описал и напечатал его. Он был высокого роста и очень плотный. Умер он уже во время революции от неудачного лечения флегмоны. О нём придётся мне говорить при описании Русского Археологического общества, которого он много лет был казначеем.

Постоянным посетителем Минц-кабинета, пившим там чай и завтракавшим с Иверсенем и Марковым, был Г.Е. Кизерицкий. Он заведовал отделением Классических древностей Эрмитажа, составил и напечатал каталог античных скульптур. Это был хитрый поляк, подлизывавшийся к директорам Эрмитажа, но в общем мало работавший.

Эрмитаж не был счастлив в директорах. На моей памяти были следующие директора: Гедеонов³, человек с научными знаниями и интересами, издавший свои работы о варягах и Руси, но как в то же время был директором театров, занимался ими больше, чем Эрмитажем. В Эрмитаже, в служебном кабинете он занимался более балеринами, которые приходили к нему в служебное время. Для Эрмитажа он ничего не сделал.

¹ Название, которое в прошлом принадлежало Национальному институту восточных языков и цивилизаций (INALCO) во Франции.

² Савельев Павел Степанович (1814–1859) – русский археолог, востоковед-арабист, нумизмат, чл.-кор. АН

³ Гедеонов Степан Александрович (1816 –1878) – русский историк, драматург, искусствовед. Директор Эрмитажа (1863–1878)

После него был А.А. Васильчиков¹, автор пятитомной монографии о семье Разумовских, ставший директором, когда уже начал страдать черной меланхолией - болезнью всех Васильчиковых.

После него был Всеволожский² - большой вельможа, но для Эрмитажа тоже ничего не сделавший. За ним был князь Трубецкой³, человек совершенно ничтожный, умевший лишь хорошо рисовать и пользоваться протекцией какой-то великой княгини. Д.В. Григорович особенно возмущался назначением кн[язя] Трубецкого и говорил мне как-то: «Знаешь, назначили дурака Трубецкого директором Эрмитажа. До него, из уважения к предшествовавшему директору Эрмитажа, мог каждый проходящий мимо Эрмитажа мочиться на Эрмитаж. Но теперь ливрейные лакеи будут выходить на Миллионную встречать публику и просить входить в Эрмитаж и ср...ть на Эрмитаж».

После кн[язя] Трубецкого был назначен директором гр[аф] Д.И. Толстой⁴, пытавшийся что-то сделать для Эрмитажа, но человек слабый и бесхарактерный, но очень милый и приветливый. Революция застала его директором Эрмитажа. При всех этих директорах практиковалось замечательное безобразие. Во время придворных балов уборные были устраиваемы в помещении галереи Рембранта, причём на следующий день, при уборке, с пола выметались окурки и окурки, находимые за полотном Рембранта. Таково было уважение приглашенных на балы публики этим замечательным предметам искусства, ливрейных лакеев это возмущало.

Теперь я опять вернусь к Археологической комиссии. Ежегодно устраивались ею выставки предметов, добытых и купленных ею в течение года для высочайшего обозрения. До переезда Комиссии на Зимнюю канавку эти выставки устраивались в Голубом зале (чудный зал!) запасной половины Зимнего дворца. Но с получением помещения на Зимней канавке, они устраивались в нём. Был специальный выставочный зал, по стенам коего были устроены полки горками, обитые сукном. Но так как зал не вмещал иногда всех выдающихся предметов, то выставки занимали ещё кабинет председателя; из этого кабинета дверь выходила в зал. При мне император Александр Третий дважды посетил выставки. Один раз один, а другой раз с женой и наследником. Председатель руководил государя и на мою долю выпало сопутствовать государыне Марии Федоровне и

¹ Васильчиков Александр Алексеевич (1832–1890) – русский историк и искусствовед, директор Эрмитажа (1879–1888)

² Всеволожский Иван Александрович (1835–1909) – русский театральный и музейный деятель, директор Эрмитажа (1899–1909)

³ Трубецкой Сергей Никитич (1829–1899) – князь, русский военный, директор Эрмитажа (1888–1899).

⁴ Толстой Дмитрий Иванович (1860–1941) – граф, государственный деятель, коллекционер живописи и музейный работник, последний директор Императорского Эрмитажа (1909–1918).

давать ей объяснения, т[ак] к[ак] я хорошо говорил по-французски. Она интересовалась предметами и попутно [говорила] любезности. В общем, эти посещения оставляли после себя приятное впечатление. После государя посещали выставку члены Русского Археологического общества и все интересующиеся лица. Выставка не разбиралась в течение трёх месяцев; после её разбора вещи распределялись Комиссией по музеям. Лучшие вещи шли в Эрмитаж, а остальные – в Исторический музей в Москву и в другие музеи.

Канцелярией и хозяйственной частью Комиссии заведовал чиновник И.А. Суслов¹, выслуживавшийся из писарей и без образования, но обладавший канцелярским навыком и был большой патриот Комиссии. Служил он более сорока лет в Комиссии, с самого её основания. Он обладал прекрасной памятью, и кое-что рассказывал из времен основателя Археологической комиссии (она была основана в 1859 г.) графа Сергея Александровича Строганова². Тогда Комиссия помещалась в доме графа на Невском проспекте, у Полицейского моста. Средства на неё отпускались из Кабинета, но граф много добавлял из своих средств. Граф Строганов был человек весьма самостоятельный. Но т[ак] к[ак] средства отпускались и из казны, из Кабинета, то по существовавшим тогда правилам для контроля сумм [назначали особого] чиновника. И вот однажды, когда граф сидел и занимался в Комиссии, а он каждый день посещал Комиссию, открылась дверь и вошёл чиновник из Кабинета в вицмундире. Граф стросил: «Кто это?» Суслов пояснил, что пришёл чиновник из контроля Кабинета для ревизии. Граф Строганов вспылил: «Он пришёл меня контролировать?! Вон! Вон отсюда!» Чиновник съёжился, сконфузился и ушел. Но т[ак] к[ак] с графом спорить было нельзя, он всегда мог доложить государю о происшедших с ним неприятностях, то инцидент этот замаяли.

Другой раз, рассказывал Суслов, граф Строганов пришел в Комиссию в большом волнении и говорит Суслову: «Я только что от государя (Александра Второго).

Он пригласил меня осмотреть модель памятника отцу его, Николаю Первому. Я знал, что Александр Второй - недалёкий человек, но что он глуп – я не знал! Подумайте, он хотел утвердить проект памятника, на котором Николай Первый сидит на коне и держит в руках каску, которую снял с головы перед народом! Да, когда это могло случиться, чтобы отец его предстал перед народом, сняв каску?! Мне удалось убедить государя, чтобы он приказал скульптору надеть каску на голову императору». Таким он изображен на памятнике, постав-

¹ Суслов Илья Андреевич (1836–1919) – служащий Археологической комиссии.

² Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) – граф, учредитель Императорской археологической комиссии – первого в Российской империи государственного учреждения по руководству археологическими изысканиями.

ленном на Исаакиевской площади¹. Гр[аф] Строганов², поссорившись однажды с императором Александром Вторым, перестал ездить в заседания Государственного Совета.

Гр[аф] Строганов владел в Пермской губернии несколькими железоделательными заводами. Когда строили Пермскую горнозаводскую железную дорогу, строители предложили ему подвести линию к его заводам за известную мзду. Но граф Строганов с пренебрежением отверг такое предложение. В результате линия железной дороги обошла вдали все его заводы. Суслов был большой патриот Комиссии, и в Кабинете над ним за это подсмеивались и подразнивали его. Он высоко ценил ученые заслуги Комиссии. Однажды сидел он в приёмной управляющего Кабинетом Н.С. Петрова³ и ожидал доклада. К нему подвели чиновники и стали умалять заслуги Комиссии. Слово за слово, чтобы отвергнуть мнение Сулова, они спросили его: «Да каков же годовой бюджет Комиссии?» На это Суслов с пафосом заявил, что Комиссия тратит в год до тридцати тысяч в год. Тогда чиновники сказали ему: «Ну что же это за учреждение! Метальная команда Зимнего дворца стоит в год двести тысяч рублей – вот это действительно учреждение!» Суслов так громко протестовал, что собеседникам пришлось увести его из приёмной во избежание скандала.

Когда я прослужил несколько лет в Комиссии, Суслов однажды, вероятно по поручению председателя, обратился ко мне с вопросом - не желал ли бы я быть камер-юнкером. На это я ему ответил, что уважаю людей, которые ради хлеба насущного служат честно, держа под мышкой салфетку (разумеется лакеев). Но держать салфетку под мышкой ради каких-то почестей, не считаю для себя интересным. Больше с таким предложением Суслов ко мне не обращался.

Замечательный был в Кабинете «фактический» контроль. Перед оплатой счетов поставщиков счета должны были быть утверждены контролёром, который приезжал и которому предъявлялись купленные предметы. Когда поступали купленные предметы – канцелярские принадлежности, клише и проч[ее], то из Кабинета присылали контролёра-«специалиста» - сына знаменитого государ-

¹ Памятник был открыт 25 июня 1859 г. Проект пьедестала архитектора О. Монферрана, конная статуя Николая I выполнена П. Клодтом. Пьедестал памятника украшают четыре аллегорические женские фигуры работы Р. Залемана, олицетворяющие «Силу», «Мудрость», «Правосудие» и «Веру». Головы фигур являются портретными изображениями императрицы Александры Федоровны, дочерей Николая I – Марии, Александры и Ольги.

² Далее зачеркнуто- был весьма самостоятельный человек.

³ Петров Николай Степанович (1833–1913) – русский государственный деятель, статс-секретарь (1885), состоявший при великом князе Сергее Александровиче, главный контролер Министерства императорского двора (1883), управляющий Кабинетом Его Императорского Величества (1888–1893).

ственного контролёра Татаринова¹. Это был большой кавалергард А.В. Татаринов². Суслов предъявлял ему счета и самые предметы, напр[имер], канцелярские принадлежности – карандаши, коробки перьев, бумагу и проч[ее]. Татаринов считал все предметы, в том числе и перья в коробках, и тогда уже пропускал счета, ставя на них своё разрешение.

Но бывало и так. Ему предъявлял Суслов к утверждению счета цинкографа за клише, в которых был указан размер последних, т.е. цинковой пластинки, приделанной к деревянной колодке. Татаринов спрашивал «сантиметр» и измерял объем клише с колодкой. Мера его со счетом не сходилась, т[ак] к[ак] в счёте была мера без колодки. Суслов объяснял ему происшедшую разницу, но Татаринов не убеждался и отказывал в утверждении счёта. Тогда Суслов ехал в Кабинет и там утверждали счета вопреки протесту Татаринова, обзывая его дураком. То же происходило со счетами за литографии. В счетах указывалось число камней, соответствующих числу красок на таблицах. Татаринов требовал от Суслова предъявления ему литографических камней, якобы купленных у литографа и не утверждал к оплате счетов литографа. Опять дело шло в контроль Кабинета, и счета утверждались вопреки отказа Татаринова в их утверждении. Таков был фактический контроль Кабинета и «специалиста» - контролёра Татаринова через год убрали.

Суслов вёл весьма своеобразный образ жизни. К 11 часам утра он приходил на службу в Комиссию и в ней оставался до 5 часов вечера. В Комиссии он ел сухой завтрак, а затем шёл в какой-то клуб, где просиживал ночь до утра за картами, возвращался оттуда домой, спал и опять шёл на службу в Комиссию.

Регистратором Комиссии был И.С. Сутулло - замечательный по почерку и работоспособности чиновник. Он выслужился из военных писарей. Он управлял еще домами, принадлежавшими Аничкову. Он тоже уходил из дома утром, обходил вверенные ему управлению дома, шёл к 11 часам в Комиссию и в 6 часов вечера возвращался домой. Впоследствии я предложил ему вести канцелярию Археологического общества. Тогда время с 6 до 10 часов он проводил в канцелярии Общества. Он был удивительный труженик.

РГИА. Ф. 167. Оп.1. Л. 7. Л. 140 об. – 204.

¹ Татаринов Валериан Алексеевич (1816–1871) – русский государственный деятель, один из проводников александровских реформ в целом и финансовой реформы в частности. Исправляющий должность Государственного контролёра (1 января 1863 — 19 апреля 1864 года), Государственный контролёр России (1864—1871). Статс-секретарь (15 ноября 1858 г.).

² Татаринов Алексей Валерианович (1858–?) с 1889 г. контролёр в контроле министерства Двора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Приймак Н.И. Понятие мемуаров как исторического источника в отечественной историографии XIX – нач. XX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 1994. Вып. 2. С. 21–28.
2. Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник// Вестник РУДН. Серия: История России. 2012. №1. С. 126–138.
3. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах/науч. рук ред. П.А. Зайончковский. М.: Книга, 1984. Т. 4. Ч.2. 1895–1917. С. 5–438.
4. Памяти Василия Григорьевича Дружинина, (1859–1936): материалы научных чтений, 10 августа. 2010 г. СПб: БАН, 2010. 184 с.
5. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 167. Оп.1. Д. 3, 6–10.
6. Митрофанов В.В. История исторической науки конца XIX в.в переписке В.Г. Дружинина с С.Ф. Платоновым (1881–1885 гг.)// Культурный ландшафт регионов. 2025. Т. 7. № 3–4. С. 37–82.
7. Митрофанов В.В. Научные и личные коммуникации В.Г. Дружинина и С.Ф. Платонова (1894–1906 гг.)// Культурный ландшафт регионов. 2025. Т. 7. №5–6. С. 35–94.
8. Митрофанов в.В. Научные и личные коммуникации В.Г. Дружинина и С.Ф. Платонова в период подготовки магистерских диссертаций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2025. Т.17. № 6. С.38–88.
9. Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Птг., 1921. Кн. 2. С. 104–133.
10. «Мне как историку позволительно оценивать события исторической меркой». Из записок Е.Ф. Шмурло о Петербургском университете. 1889 г. / Вступ. ст., подг. публ., коммент. Л.И. Дёминой // Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 72–99.
11. Приймак Н.И. И.М. Гревс как мемуарист/ отв. ред. проф. Ю.В. Кривошеев//Петербургские исследования: сб. научных ст. СПб.: изд-во СПбУ. 2006. С. 81–90.
12. Платонова Н.Н. Дневник (1889-1921). Рязань, 2020. 881 с.
13. Чечулин Н.Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете 22 января 1891 г. перед началом курса «Русские мемуары XVIII в. СПб.: ред. журн. «Библиограф». 1891. 16 с.

14. Дружинин В.Г. Букинисты с 1874 по 1915 г./подг. текста, предисл., коммент. Л.Г. Ларионовой//Библиофилы России. Т. 15. 2019. М.: Собрание, Любимая Россия 2019. С. 457–491.
15. Митрофанов В.В. «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» В.Г. Дружинина. Часть 1//Альянс-Архео. М.: СПб.: «Альянс-Архео». 2025. №49. С. 38–88.
16. Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129.
17. Трибунский П.А. А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина // Клио. 2013. №12 (84). С. 120–124.
18. Гайдуков П.Г. «Воспоминания В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // Российская археология. 2010. № 4. С.136–142.
19. Алдошина Н.Б. И.А. Гончаров в воспоминаниях В.Г. Дружинина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. № 2. С. 53–59.
20. Митрофанов В.В. Научные и личные коммуникации В.Г. Дружинина и С.Ф. Платонова в период подготовки магистерских диссертаций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2025. Т.17. № 6. С. 38–88.
21. Тихонов И.Л. Воспоминания В.Г. Дружинина о А.А. Спицыне // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 2. С. 421–430.
22. Митрофанов В.В. К вопросу рецензирования С.Ф. Платоновым книги В.Г. Дружинина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 75–85.

REFERENCES

1. Prijmak N.I. Ponyatie memuarov kak istoricheskogo istochnika v otechestvennoj istoriografii XIX – nach. XX v. [The concept of memoirs as a historical source in Russian historiography of the 19th and early 20th centuries.] Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istoriya = Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2. History . 1994, rel. 2, pp. 21–28. (In Russ.).
2. Georgieva N.G. Memuary` kak fenomen kul`tury` i kak istoricheskij istochnik [Memoirs as a Cultural Phenomenon and as a Historical Source]. Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii= RUDN University Bulletin. Series: History of Russia. 2012, no 1, pp. 126–138. (In Russ.).

3. Istoriya dorevolyucionnoj Rossii v dnevnikax i vospominaniyax: Annotirovannyj ukazatel' knig i publikacij v zhurnalax/nauch. ruk red. P.A. Zayonchkovskij [History of Pre-revolutionary Russia in Diaries and Memoirs: Annotated Index of Books and Publications in Magazines/edited by P.A. Zayonchkovsky]. Moscow: Kniga, 1984, vol. 4, part. .2. 1895–1917, pp. 5–438. (In Russ.).
4. Pamyati Vasiliya Grigor`evicha Druzhinina, (1859–1936): materialy` nauchny`x chtenij, 10 avgusta 2010 g. [In Memory of Vasily Grigoryevich Druzhinin, (1859–1936): Materials of Scientific Readings, August 10, 2010.] St.Peterburgs: BAN, 2010. 184 p. (In Russ.).
5. Rossijskij gosudarstvennyj` arxiv literatury` i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Art], bac. 167, inv. 1, cas. 3, 6–10. (In Russ.).
6. Mitrofanov V.V. Istoriya istoricheskoy nauki koncza XIX v.v perepiske V.G. Druzhinina s S.F. Platonovy`m (1881–1885 gg.) [The History of Historical Science in the Late 19th Century: Correspondence between V.G. Druzhinin and S.F. Platonov (1881–1885)] Kul`turnyj` landshaft regionov= Cultural landscape of the regions. 2025, vol. 7, no. 3–4, pp. 37–82. (In Russ.).
7. Mitrofanov V.V. Nauchny`e i lichny`e kommunikacii V.G. Druzhinina i S.F. Platonova (1894–1906 gg.) [Scientific and personal communications between V.G. Druzhinin and S.F. Platonov (1894–1906)]. Kul`turnyj` landshaft regionov= Cultural landscape of the regions. 2025, vol. 7, no.5–6, pp. 35–94. (In Russ.).
8. Mitrofanov v.V. Nauchny`e i lichny`e kommunikacii V.G. Druzhinina i S.F. Platonova v period podgotovki magisterskix dissertacij [Scientific and personal communications between V.G. Druzhinin and S.F. Platonov during the preparation of their master's theses]. Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl`= Historical and socio-educational thought.. 2025, vol.17, no 6, pp. 38–88. (In Russ.).
9. Platonov S.F. Neskol`ko vospominanij o studencheskix godax [A few memories of my student days]. Dela i dni= Business and days. Petrograd., 1921, book. 2, pp. 104–133. (In Russ.).
10. «Mne kak istoriku pozvolitel`no ocenivat` soby`tiya istoricheskoy merkoj». Iz zapisok E.F. Shmurlo o Peterburgskom universitete. 1889 g. / Vstup. st., podg. publ., komment. L.I. Dyominoj [“As a historian, I am allowed to evaluate events using historical standards.” From E.F. Shmurlo's notes on St. Petersburg University. 1889 / Introduction, preparation, publication, and comments by L.I. Dyomina]. Otechestvenny`e arxivy`= Russian archives. 2006, no. 1, pp. 72–99. (In Russ.).
11. Prijmak N.I. I.M. Grevs kak memuarist/ otv. red. prof. Yu. V. Krivosheev [I. M. Grevs as a Memoirist/ edited by Prof. Yu. V. Krivosheev]. Peterburgskie

- issledovaniya: sb. nauchny`x st. [Petersburg Studies: Collection of Scientific Articles]. St.Peterburgs: izd-vo SPbU. 2006, pp. 81–90. (In Russ.).
12. Platonova N.N. Dnevnik (1889-1921) [Diary (1889-1921)]. Ryazan`, 2020. 881 s. (In Russ.).
13. Chechulin N.D. Memuary`, ix znachenie i mesto v ryadu istoricheskix istochnikov. Vstupitel`naya lekciya, chitannaya v Sankt-Peterburgskom universitete 22 yanvarya 1891 g. pered nachalom kursa «Russkie memuary` XVIII v. [Memoirs, their significance, and their place among historical sources. An introductory lecture delivered at St. Petersburg University on January 22, 1891, before the start of the course "Russian Memoirs of the 18th Century.]. St.Petrburgs. 1891. 16 c. (In Russ.).
14. Druzhinin V.G. Bukinisty` s 1874 po 1915 g./podg. teksta, predisl., komment. L.G. Larionovoj [Second-hand booksellers from 1874 to 1915/ed. text, preface, commentary by L.G. Larionova]. Bibliofily` Rossii [Bibliophiles of Russia]. Moscow: Sobranie, Lyubimaya Rossiya 2019, vol.15, pp. 457–491. (In Russ.).
15. Mitrofanov V.V. «Vospominaniya o literaturny`x vstrechax i znakomstvax» V.G. Druzhinina. Chast` 1 ["Memories of Literary Meetings and Acquaintances" by V.G. Druzhinin. Part 1]. Al`yans-Arxeo = Alliance-Archeo. Moscow: St. Peterburgs: «Al`yans-Arxeo». 2025, rel. 49, pp. 38–88. (In Russ.).
16. Brachev V.S. «Delo» akademika S.F. Platonova [The Case of Academician S.F. Platonov]. Voprosy` istorii= History issues. 1989, no. 5, pp. 117–129.
17. Tribunskij P.A. A.S. Lappo-Danilevskij v vospominaniyax V.G. Druzhinina [A. S. Lappo-Danilevsky in the memoirs of V.G. Druzhinin]. Klio= Clio. 2013, no.12 (84), pp. 120–124. (In Russ.).
18. Gajdukov P.G. «Vospominaniya V.G. Druzhinina kak istochnik po istorii Imperatorskoj Arxeologicheskoy komissii ["V. G. Druzhinin's Memoirs as a Source on the History of the Imperial Archaeological Commission"]. Rossijskaya arxeologiya= Russian Archeology. 2010, no. 4, pp.136–142. (In Russ.).
19. Aldonina N.B. I.A. Goncharov v vospominaniyax V.G. Druzhinina [I. A. Goncharov in the Memoirs of V.G. Druzhinin I.A. Goncharov in the Memoirs of V.G. Druzhinin]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social`ny`e, gumanitarny`e, mediko-biologicheskie nauki = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social Sciences, Humanities, Medical and Biological Sciences. 2016, vol. 18, no. 2, pp. 53–59. (In Russ.).
20. Mitrofanov V.V. Nauchny`e i lichny`e kommunikacii V.G. Druzhinina i S.F. Platonova v period podgotovki masterskix dissertacij [Scientific and personal communications between V.G. Druzhinin and S.F. Platonov during the preparation of their master's theses]. Istoricheskaya i social`no-

obrazovatel'naya my'sl' = Historical and socio-educational thought. 2025, vol. 17, no. 6, pp. 38–88. (In Russ.).

21. Tixonov I.L. Vospominaniya V.G. Druzhinina o A.A. Spitsyne [V.G. Druzhinin's Memories of A.A. Spitsyn]. Kraeugol'ny`j kamen`. Arхеologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'ny`x stran [The cornerstone. Archaeology, history, art, and culture of Russia and neighboring countries.]. Moscow, 2010, vol. 2, pp. 421–430. (In Russ.).
22. Mitrofanov V.V. K voprosu recenzirovaniya S.F. Platonovy`m knigi V.G. Druzhinina [On S.F. Platonov's Review of V.G. Druzhinin's Book]. Ucheny`e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki = Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2022, vol. 164, book. 3, pp. 75–85. (In Russ.).

Информация об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС». Российская Федерация,

199226, Санкт-Петербург, Россия, Галерный проезд, 3

ORCID iD: 0000-0003-2094-6883

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Viktor V., Mitrofanov Doctor in History, Professor, Department of state and legal disciplines, ANO VO University at the Inter Parliamentary Assembly of the EurAsEC. Galerny proezd, 3, Saint Peetersburg,

196226. Saint Peetersburg, Russian Federation

ORCID iD: 0000-0003-2094-6883

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 19.01.2026

Статья принята после рецензирования и доработки / The article was accepted after peer review and revision: 22.04.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 1- 2 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 1-2: 28.04.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests